ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО БИБЛІОТЕКАРЯ.

ВЪ ЧИСЛѢ рѣдкостей Императорской Публичной Библіотеки, находится русская книга, на первомъ листѣ которой, еще раньше заглавнаго листа, сказано: «Съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ напечатано въ числѣ двухъ экземпляровъ. Другой экземпляръ находится у барона Модеста Андреевича Корфа». У книги этой нѣтъ никакого заглавія; вмѣсто него, на первомъ листѣ отпечатаны слова: «Барону Модесту Андреевичу Корфу въ день 50-лѣтія его службы 9 іюня 1867 года».

Въ 1867 году баронъ М. А. Корфъ уже не былъ болѣе директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, но его связи съ нею не были порваны. Онъ, все попрежнему, продолжалъ интересоваться ея внутреннею жизнью, ея широкимъ процвѣтаніемъ, часто посѣщалъ ее, полонъ былъ всѣми ея интересами; со своей стороны, персоналъ библіотеки не переставалъ сохранять къ нему все прежнее чувство глубокой любви, преданности, можно сказать—обожанія. Поэтому, когда наступала пора чествовать 50-лѣтіе государственной службы барона Корфа, бывшіе сослуживцы его по библіотекѣ задумали ознаменовать этотъ день чѣмъ-то такимъ, что̀ было бы всего достойнѣе истинно-исторической долголѣтней дѣятельности ихъ бывшаго директора, и что̀ всего лучше выразило бы участіе библіотеки въ такомъ чествованіи. Они и напечатали книгу на 30 языкахъ — на всѣхъ главнѣйшихъ доступныхъ имъ языкахъ міра. Тутъ явились, въ научно-систематичной послѣдовательности племенъ, тексты на слѣдующихъ языкахъ: китайскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, финскомъ, эстскомъ,

еврейскомъ, сирійскомъ. арабскомъ, эѳіопскомъ, зендскомъ, санскритскомъ, афганскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ, англійскомъ, литовскомъ латышскомъ, польскомъ, церковно-славянскомъ (глаголицей), русскомъ. Эта книга была роскошно отпечатана въ типографіи Академіи Наукъ. Содержаніе большинства текстовъ было характера поздравительнаго и привѣтственнаго, и всѣ они были довольно кратки. Исключенія составляли единственно только тексты французскій и нѣмецкій, имѣвшіе видъ небольшихъ фельетоновъ въ прозѣ и стихахъ. Но на русскомъ языкѣ были напечатаны уже настоящія статьи, историческаго характера, касающіяся библіотеки и бывшаго ея начальника, барона Корфа. Одна изъ этихъ статей, озаглавленная: «Воспоминанія стараго библіотекаря», была самая обширная, самая дѣльная и самая интересная. Ее написалъ библіотекарь Собольщиковъ. Она представляетъ столько важнаго историческаго матеріала, характеризующаго Николаевское время, и заключаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такіе мастерски набросанные портреты и характеристики, напримѣръ, Крылова (когда-то библіотекаря Публичной библіотеки), директора библіотеки Бутурлина, курьезнаго человѣка Николаевскаго времени и покроя, барона Корфа, князя Одоевскаго и разныхъ другихъ личностей прежняго времени,—наконецъ, эти «Воспоминанія» написаны такъ живо, даровито и изящно, что заслуживаютъ того, чтобъ сдѣлаться извѣстными всей русской публикѣ. Жаль было бы, еслибъ ихъ зналъ только тотъ ограниченный кругъ читателей, который до сихъ поръ, въ теченіе 22 лѣтъ, одинъ только и имѣлъ возможность вѣдать о существованіи ихъ.

Но я считаю необходимымъ изложить здѣсь, въ короткихъ словахъ, біографическія данныя объ авторѣ этихъ «Воспоминаній».

Василій Ивановичъ Собольщиковъ родился въ Витебскѣ, 13-го января 1813 года, въ средѣ русскаго старообрядческаго семейства, еще при Екатеринѣ II переселившагося изъ Москвы въ западныя наши губерніи. Отецъ Собольщикова былъ богатый купецъ, державшій въ Витебскѣ лавку самыхъ разнообразныхъ товаровъ, отъ гвоздей и до галантерейныхъ вещей, въ родѣ маленькаго базара. Сынъ его, пройдя полъ-курса въ витебской гимназіи, отъ 13 до 18 лѣтъ торговалъ въ лавкѣ вмѣстѣ съ отцомъ, и въ то же время, сообразно съ порядками той эпохи, служилъ писцомъ въ витебскомъ губернскомъ правленіи. Въ 1830 году онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ канцелярію римско-католической духовной коллегіи, по рекомендаціи польскихъ своихъ знакомыхъ изъ Витебска. Въ Петербургѣ онъ почувствовалъ, еще больше прежняго, необходимость образовать себя, такъ какъ научился слишкомъ немногому въ гимназіи, и съ жаромъ принялся учиться самъ, безъ учителей, фран-

цузскому и нѣмецкому языкамъ и читать книги научнаго содержанія. Чтобъ лучше выполнить это послѣднее намѣреніе, онъ добился, послѣ долгихъ усилій, возможности поступить на службу въ канцелярію Императорской Публичной Библіотеки. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ рукописнаго отрывка автобіографіи, начатой Собольщиковымъ въ 50-хъ годахъ и оставшейся недоконченною. Дальнѣйшая дѣятельность его въ Публичной Библіотекѣ, съ 30-хъ и по 1867 годъ, описана имъ въ его «Воспоминаніяхъ». Онъ прослужилъ при четырехъ директорахъ съ совершенно различными направленіями и дѣятельностью (Оленинъ, Бутурлинъ, баронъ Корфъ, Деляновъ), и при всѣхъ оказалъ самыя значительныя услуги не только библіотекѣ, но и огромной массѣ русской публики. Къ числу главныхъ заслугъ его относится устройство, по мысли и указаніямъ барона Корфа, «отдѣленія иноязычныхъ писателей о Россіи», пользующагося почетнѣйшею извѣстностью и въ Россіи, и въ Европѣ, такъ какъ это есть учрежденіе дѣйствительно совершенно безпримѣрное въ Европѣ и высшей степени полезное для русской науки. Главное основаніе напечатанному впослѣдствіи каталогу этого отдѣленія «Rossica» было положено Собольщиковымъ. Но, сверхъ того, будучи не только библіотекаремъ, но и архитекторомъ Императорской Публичной Библіотеки, онъ во время директорства барона М. А. Корфа и И. Д. Делянова, предложилъ и выполнилъ двѣ коренныхъ перестройки въ библіотекѣ, одну въ началѣ 50-хъ, другую—въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣ довершенія первой, баронъ Корфъ писалъ въ «Путеводителѣ библіотеки»: «Въ 1851 году вся внутренность зданія библіотеки была передѣлана, и, такъ сказать, возсоздана по проектамъ завѣдующаго и хозяйственною частью, старшаго библіотекаря Собольщикова». Въ разныхъ мѣстахъ «Воспоминаній» читатель можетъ также видѣть, какъ высоко цѣнилъ баронъ М. А. Корфъ своего всегдашняго помощника по всяческому библіотечному дѣлу. Главнымъ же результатомъ второй серіи архитектурной дѣятельности Собольщикова явилась громадная читальная зала библіотеки, сочиненная и построенная имъ вмѣстѣ съ его родственникомъ (зятемъ) и другомъ, И. И. Горностаевымъ. Эта зала возведена по предложенію и проекту Собольщикова, и, на основаніи не только многочисленныхъ техническихъ и матеріальныхъ своихъ достоинствъ, но и изящества, справедливо признается третьею читальною залою всей Европы (послѣ лондонской и парижской).

Печатные труды Собольщикова: 1) Напечатанная въ 1860 году, послѣ большого путешествія по Европѣ, книга на русскомъ и французскомъ языкѣ: «Обзоръ большихъ библіотекъ Европы въ 1859 году». Эта книга содержитъ критическое, необыкновенно основательное разсмотрѣніе вопроса о лучшемъ способѣ содержанія, храненія и катологизаціи большихъ библіотекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она излагаетъ ту простую

и необыкновенно удобную систему, которая по предложенію Собольщикова введена въ Императорской Публичной Библіотекѣ при баронѣ Корфѣ; 2) напечатанная въ 1865 году брошюра: «Печное мастерство»; 3) напечатанная въ 1870 году книга: «Что̀ надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и духоты». Два изданія двухъ послѣднихъ книгъ быстро раскупились, а модель изобрѣтенной Собольщиковымъ печи удостоилась на всемірной парижской выставкѣ 1867 года, почетнаго отзыва.

Сольщиковъ скончался, отъ разрыва сердца, 19 октября 1872 года. Онъ лишь нѣсколько недѣль не дожилъ до открытія построенной имъ римско-католической духовной консисторіи, съ обширною церковью въ романскомъ стилѣ.

По всей своей дѣятельности, Собольщиковъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, полезныхъ и одаренныхъ оригинальною собственною иниціативою дѣятелей Императорской Публичной Библіотеки, за все время ея существованія, особливо за время блестящей реформаторской дѣятельности барона М. А. Корфа. Онъ вѣчно что̀-нибудь важное и полезное изобрѣталъ, придумывалъ, предлагалъ, и потомъ—осуществлялъ.

В. Стасовъ.

I.

Мое поступленіе на службу въ Публичную Библіотеку писцомъ.—Состояніе библіотеки въ 1834 году.—Мои отношенія къ библіотечному начальству.—Иванъ Андреевичъ Крыловъ.—Тогдашніе порядки въ библіотекѣ.—Директоръ А. Н. Оленинъ.—Мое знакомство съ архитекторомъ В. П. Стасовымъ и его послѣдствія для меня.—Новое зданіе библіотеки.—Посѣщеніе библіотеки императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Новый директоръ Д. П. Бутурлинъ.—Мое повышеніе въ должность подбиблiотекаря. — Порученіе привести въ порядокъ гравюры. — Результатъ трехлѣтнихъ занятій этой работой. — Проектъ архитектора Щедрина перестройки стараго зданія библіотеки.—Назначеніе меня архитекторомъ библіотеки и порученіе построить флигель для служащихъ.—Столкновеніе съ Бутурлинымъ. — Вѣщій сонъ. — Каталогизація историческаго отдѣленія. — Разсказъ Бругша.—Каталогизація отдѣленій изящныхъ искусствъ.

Служить я началъ по-граждански: былъ чиновникомъ присутственнаго мѣста, и хотя удостоился чести занять вакансію столоначальника, когда мнѣ не было еще и 20-ти лѣтъ, но не по вкусу былъ мнѣ этотъ родъ службы. Окруженный форменными бумагами и имѣя передъ собой большой шкафъ съ дѣлами, я сидѣлъ во мракѣ и не видѣлъ выхода на свѣтъ Божій. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 года показалась заря на темномъ горизонтѣ моей служебной карьеры—я былъ опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Мнѣ казалось, что я поступаю въ учебное заведеніе, гдѣ буду учиться, пройду извѣстный курсъ и сдѣлаюсь человѣкомъ годнымъ на дѣло,

лучшее, нежели канцелярская переписка. Если мнѣ хотѣлось учиться, значитъ, я сознавалъ убожество своихъ знаній. Такое сознаніе очень похвально во всякомъ молодомъ человѣкѣ, а тогда я былъ очень молодъ: въ эпоху вступленія моего въ библіотеку я только-что началъ переживать свой 21-годъ.

Запасъ свѣдѣній моихъ былъ очень невеликъ, но и неучемъ меня нельзя было назвать: я вступилъ на службу изъ пятаго класса гимназіи. Русскую грамоту я зналъ порядочно, а изъ иностранныхъ языковъ мнѣ хорошо былъ извѣстенъ одинъ только польскій, потому что я родился въ Витебскѣ и въ тамошнюю гимназію вступилъ тогда еще, когда она принадлежала къ виленскому учебному округу. Преподавали все на польскомъ языкѣ; товарищи мои были большею частью поляки. Пофранцузски я читалъ очень плохо, того что̀ читалъ не понималъ совершенно, но захотѣлъ понимать и добился этого очень скоро. Въ нѣмецкой азбукѣ меня затрудняли буквы г и х по большому ихъ сходству, но это затрудненіе не было для меня продолжительно: въ 1842 году, когда мнѣ поручено было привести въ порядокъ собраніе эстамповъ, я пользовался уже нѣмецкими книгами.

Библіотеку я засталъ въ большомъ нетлижѐ. Залы, обращенныя на Александринскую площадь, не были еще окончательно отстроены, а въ залахъ стараго зданія всѣ свободныя мѣста завалены были грудами ящиковъ съ книгами, привезенными изъ усмиренной Польши. Публика въ библіотеку не допускалась, и библіотекари пользовались каникулами нѣсколько лѣтъ сряду. Нѣкоторые изъ нихъ приходили одинъ только разъ въ мѣсяцъ, чтобы оставить свой автографъ въ манускриптахъ казначея, но двое бывали ежедневно; одинъ—Востоковъ, постоянно работавшій въ хранилищѣ рукописей, которыхъ онъ былъ хранителемъ; онъ тогда занимался приготовленіемъ къ изданію святыни библіотечной: Остромирова Евангелія. Другой ежедневный посѣтитель библіотеки былъ англичанинъ Аткинсонъ, приходившій всегда только въ залу канцеляріи, и садившійся у того стола, гдѣ лежали иностранныя газеты. Библіотека получала тогда по почтѣ: «Journal des Débats», «Gazette de France», «Journal de Francfort», «Allegemeine Zeitung» и «Göttingische gelehrte Anzeigen». Аткинсонъ нѣмецкихъ газетъ не читалъ, а Востоковъ просматривалъ всѣ, но «Anzeigen» уносилъ читать домой: въ библіотекѣ онъ дорожилъ временемъ.

Первоначальное положеніе мое въ библіотекѣ было такое неважное, что менѣе важнаго, для коллежскаго регистратора, кажется, нигдѣ не существовало. Я былъ писцомъ при дѣлахъ казначейскихъ, и обязанности мои были такъ немногосложны, что очень часто я могъ бы вовсе не приходить въ библіотеку, но я приходилъ: меня очень интересовали верхнія залы, наполненныя кни-

гами. Пользуясь отсутствіемъ занятій въ канцеляріи, я проводилъ все свое время въ верхнихъ залахъ. Начальство, на первыхъ порахъ, относилось ко мнѣ внушительно, но скоро оно замѣтило, что ко мнѣ такъ относиться вовсе не нужно: я дѣлалъ свое дѣло, не ожидая напоминаній и, въ обращеніи со старшими стараго покроя, не рисовался, не давалъ мѣста внушеніямъ. Мало того, я съумѣлъ завладѣть благорасположеніемъ ближайшаго моего начальника, библіотекаря и казначея [1]). Сей нарочито надменный и высокомѣрный мужъ простиралъ ко мнѣ благосклонность свою до того, что иногда приглашалъ меня къ себѣ пить чай, въ тѣ дни, когда я, въ качествѣ дежурнаго, оставался ночевать въ библіотекѣ.

Прочіе библіотекари также начали обращать на меня лестное свое вниманіе и даже удостоивали чести отвѣчать на мои вопросы, когда я всепочтительнѣйше осмѣливался вмѣшиваться въ ихъ бесѣду о городскихъ новостяхъ. О Востоковѣ я этого сказать не могу. Его привѣтствія были очень просты и не манерны. Даже Владимірскій крестъ, привязанный къ его шеѣ всегда туго, пользовался совершенной независимостью и очень часто торчалъ сбоку.

Я не могу положительно сказать, почему начальство, т. е. библіотекари, были со мной болѣе любезны и разговорчивы, нежели съ остальными членами канцеляріи. Я былъ откровененъ и болтливъ. Мои взгляды и сужденія я высказывалъ съ дѣтской откровенностью. Можетъ быть ихъ забавляла моя наивность. Что же касается до меня, то я находилъ всѣхъ этихъ почтенныхъ людей до карайности скучными. Интересы, возбуждавшіе ихъ разговоры, были такъ сухи и обыденны, что я очень охотно оставлялъ ихъ кругъ, чтобы удалиться въ верхнія залы. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ разговора, которымъ удостоилъ меня одинъ библіотекарь, членъ Россійской Академіи [2]).

Въ ожиданіи чего-то мы стояли у окна и смотрѣли на движеніе по Невскому проспекту. Тянулась погребальная процессія. Дроги везли шестерикомъ.

— А!—значительно воскликнулъ мой собесѣдникъ,—вы знаете, что̀ значитъ шесть лошадей?

Пошаривъ въ умѣ и, не найдя ничего, я отвѣтилъ:

— Полдюжины, я думаю.

— Нѣтъ, вы, значитъ, не понимаете значенія этой почести. Покойникъ былъ, по крайней мѣрѣ, статскій совѣтникъ.

— А-а-а!

---

[1]) Степ. Вас. Василевскій, въ 1833—4 году библіотекарь и исправляющій должность экономa и казначея Императорской Публичной Библіотеки. В. С.

[2]) Мих. Естаф. Лобановъ, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки и членъ Россійской Академіи Наукъ. Любопытныя и характерныя подробности о немъ читатель можетъ найти въ «Дневникѣ» А. В. Никитенко, напеч. въ «Русской Старинѣ». В. С.

— Я по чину не имѣю, конечно, права на такую почесть, но по званію члена Россійской Академіи и т. д.

Посмотрѣлъ я на моего собесѣдника съ большимъ вниманіемъ. Желанія его показались мнѣ довольно умѣренными.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ толстъ и важенъ. Когда онъ приходилъ получать жалованье, то на поклонъ мой онъ отвѣчалъ только улыбкой. Кланяться онъ мнѣ не могъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ давно былъ статскій совѣтникъ, а я свѣжій коллежскій регистраторъ и, во-вторыхъ, для тучнаго человѣка одно киваніе головой есть уже трудъ, а у Крылова голова-то была очень большая. Впрочемъ, со мной онъ всегда былъ любезенъ и обращался всегда со словами: «мой милый». Въ это время всѣ статскіе совѣтники такъ говорили, обращаясь къ канцелярскому чиновнику. Крыловъ являлся за жалованьемъ каждый мѣсяцъ очень аккуратно, но скоро ему это надоѣло, и онъ попросилъ меня приносить ему жалованье на квартиру. Онъ жилъ въ казенной квартирѣ, которую теперь занимаетъ г. Генъ [1]). Наконецъ, ему надоѣло росписываться каждый мѣсяцъ, и онъ попросилъ, чтобы вносили его въ списокъ по третямъ. Случилось однажды, что казначей куда-то отлучился, оставивъ у меня на рукахъ довольно большую сумму денегъ для раздачи жалованья чиновникамъ, а въ томъ числѣ и Крылову. Отсчитавъ слѣдовавшую ему порцію, я, по своей вѣтрености, ошибся, и когда, росписавшись, онъ взялъ у меня деньги и бросилъ ихъ въ столъ, не сосчитавъ, вѣроятно также по вѣтрености, тогда я ему сказалъ:

— Иванъ Андреевичъ, вы, который пустили въ ходъ столько новыхъ пословицъ, не внемлете совѣту старой: деньги любятъ счетъ.

— Эхъ, мой милый, вы не станете меня обманывать.

— Умышленно не стану, но я могу ошибиться и обмануть васъ также, какъ и себя.

— Ну, ну, хорошо.

Онъ пересчиталъ деньги и оказалось, что я не додалъ ему 100 руб. Старикъ сконфузился, а я еще больше. Кажется, послѣдовало даже рукопожатіе, въ первый и въ послѣдній разъ въ моихъ съ нимъ отношніяхъ.

Этотъ ничтожный случай не совсѣмъ хорошо рекомендуетъ казначейскія мои способности, но современемъ я самъ сдѣлался казначеемъ, и не разъ случалось мнѣ не додавать денегъ получателямъ, но они были не Крыловы и, получая, считали. Они до такой степени были не Крыловы, что получая лишнее, не возвращали, а это-таки случалось при моей крайне-слабой страсти къ деньгамъ.

---

[1]) 1867. Квартира эта въ домѣ библіотеки, на В. Садовой, надъ книжнымъ магазиномъ Глазунова. В. С.

Съ товарищами моими по канцеляріи я не очень былъ близокъ. Они считали меня какимъ-то франтомъ. По костюму они имѣли полное право считать меня франтомъ: въ костюмѣ моемъ были всегда части, обличавшія присутствіе на мнѣ бѣлья, а у нихъ признаковъ этихъ не бывало. Франтовство мое они полагали не въ костюмѣ, а въ нравственномъ моемъ развращеніи. Я пытался иногда говорить съ Аткинсономъ пофранцузски, но, что всего хуже, я на русскомъ языкѣ высказывалъ иногда ужасъ наводящую якобинщину. Однажды подбибліотекарь, бывшій помощникомъ секретаря [1]) (секретаремъ былъ Ал. Ив. Красовскій [2]) подалъ директору записку, въ которой просилъ помѣстить его на вакансію библіотекаря. Директоръ отказалъ, совершенно, впрочемъ, справедливо. Очень естественно, что отказъ ожесточилъ просителя, и онъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ, выражалъ свою печаль предъ товарищами слѣдующими словами:

— Я, 17 лѣтъ, здоровье свое, можетъ быть жизнь свою, полагалъ на службу. Каждый день, не смотря ни на какую погоду, отъ Смоленскаго кладбища ходилъ въ библіотеку, и вотъ награда за самопожертвованіе.

— Помилуйте,—сказалъ я,—какое же тутъ самопожертвованіе? Вы ходили въ библіотеку для того, чтобы имѣть право получить жаловье и имъ удовлетворить ваши нужды. Кромѣ жалованья, вы получали чины, и вотъ у васъ знакъ св. Станислава въ петлицѣ. А знаете ли вы, что̀ значитъ чинъ и крестъ? Вѣдь эти награды имѣютъ значеніе государственное. Онѣ возводятъ насъ на высшія степени, и возводятъ навсегда; а вы, кромѣ обыкновенныхъ канцелярскихъ занятій, ничего вѣдь не произвели такого, что отдѣлялось бы и виднѣлось навсегда, какъ вашъ чинъ и крестъ. Я самъ получилъ первый чинъ за отличіе, но по совѣсти долженъ сознаться, что за мои ребячьи заслуги такой важной награды давать не слѣдовало, хотя я очень радуюсь тому, что мнѣ ее дали

Противникъ мой всталъ и, торжественно указывая на меня, сказалъ своимъ товарищемъ: «вотъ эти франты сядутъ намъ на голову!»

Личность, высказавшая это пророчество была до того темная, что въ тѣ даже времена, не смотря на его чинъ титулярнаго совѣтника, ближайшій начальникъ, А. И. Красовскій, обращался съ нимъ почти безчеловѣчно. Бумагъ въ канцельріи писалось очень не много, слѣдовательно чиновникъ этотъ былъ часто безъ дѣла. Газеты его не интересовали, и онъ предавался чтенію все больше

---

[1]) Алексѣй Егоровичъ Протопоповъ, сынъ священника при Смоленскомъ кладбищѣ. В. С.

[2]) Александръ Ивановичъ Красовскій—извѣстный по разнымъ любопытнымъ анекдотамъ, цензоръ времени Николая I. В. С.

отъ божественнаго. Когда Красовскій приходилъ въ библіотеку и замѣчалъ, что чиновникъ, отвѣсивъ поклонъ, ожидалъ приказаній, то за неимѣніемъ дѣла нужнаго, онъ доставалъ какую-нибудь книгу и давалъ ему переписать страницы двѣ-три, смотря по количеству часовъ, сколько тотъ долженъ былъ оставаться въ должности.

Къ публикѣ, желавшей пользоваться библіотекой, чиновники канцеляріи относились крайне недружелюбно. Однажды, войдя въ канцелярію, я замѣтилъ какого-то постороннаго, который смотрѣлъ въ хранилище рукописей сквозь стекла двери, а потомъ сталъ ходить по залѣ и читать кое-какія надписи и правила для посѣтителей, вывѣшенныя въ рамкахъ. Я подошелъ къ нему спросить, что̀ ему нужно, и узналъ, что онъ французскій путешественникъ и что онъ желалъ бы видѣть библіотеку. Мнѣ не случалось еще показывать библіотеку посѣтителямъ, и я не рѣшился самъ собою повести француза, а подошелъ къ вышеописанному старцу испросить его совѣта. Я ожидалъ, что онъ непремѣнно скажетъ: «почему же нѣтъ, покажите», но вмѣсто того онъ огорошилъ меня отвѣтомъ: «нѣтъ, никакъ нельзя». Не смотря на положительность этого отказа, я все-таки повелъ француза по заламъ, вполнѣ сознавая, что вреда этимъ я никакого библіотекѣ не сдѣлаю и никакой тайны иностранцу не открою. Я ободрялъ себя такимъ сознаніемъ, но могъ, однакожъ, ожидать, что о своевольствѣ моемъ будетъ доведено до свѣдѣнія высшаго начальства. Въ силу соображеній такого рода, я, прощаясь съ гостемъ, попросилъ его написать свою фамилію, мотивируя мою просьбу тѣмъ, что я должетъ буду донести начальству о его посѣщеніи. Я видѣлъ, что гость былъ не парикмахеръ, и дѣйствительно, онъ, написавъ свою фамилію, прибавилъ: «Pair de France». Я подошелъ къ старцу, читавшему, кажется, житія святыхъ, и, извиняясь въ томъ, что не послушался его совѣта, сказалъ ему, что французъ этотъ былъ перъ Франціи.— «Много этихъ перовъ слоняется вонъ тамъ, по Невскому, — замѣтилъ старецъ,—тутъ слугъ для нихъ нѣтъ; да ладно». Вздохнулъ старецъ, и паки углубился въ чтеніе. Вздохнулъ онъ, конечно, не о пѣрѣ Франціи, а о томъ, что онъ вычитывалъ въ ту минуту, когда я съ своимъ извиненіемъ оторвалъ его отъ книги.

Я называю его старцемъ, хотя въ то время онъ вовсе не былъ старъ, но старцемъ онъ сдѣлался смолоду, предаваясь съ особеннымъ тщаніемъ божественному, ходилъ сгорбясь, волочилъ ноги, притворялся близорукимъ и носилъ шляпу съ широкими полями, подложенными зеленымъ плюшемъ.

Директоръ (Оленинъ) въ то время былъ для меня недосягаемъ, и, если бы мнѣ не было приказано ходить къ нему два раза въ недѣлю дежурить по утрамъ, на случай могущей встрѣтиться надобности переписать что̀-нибудь, то я никогда и не видѣлъ бы его. Дежурства мои у директора давали мнѣ случаи получать лично

отъ него разныя приказанія, и я, какимъ-то манеромъ, самъ ужъ не знаю какъ, удостоился благосклоннаго его вниманія, и даже, къ великому соблазну моихъ товарищей, раза два или три обѣдалъ въ кругу его семейства. Въ то время честь эта была не только великая, а даже неслыханная. Не даромъ же библіотечная канцелярія называла меня франтомъ.

Тогда директоръ библіотеки былъ вмѣстѣ и президентомъ Академіи Художествъ. Бывая у него, я познакомился со многими художниками и самъ началъ порисовывать у себя дома въ свободное время. Директоръ, замѣтивъ, что у меня есть каллиграфическія замашки и способность владѣть карандашемъ, поручилъ мнѣ сдѣлать, по древнимъ русскимъ образцамъ, заголовки къ оффиціальнымъ бумагамъ библіотеки. Эта ничтожная работа имѣла для меня послѣдствія очень важныя. Пріѣхалъ разъ въ библіотеку Василій Петровичъ Стасовъ. Ему нужно было написать вязью нѣсколько словъ на проектѣ медали по случаю возобновленія имъ собора въ Смольномъ, и онъ хотѣлъ поискать образцовъ вязи въ рукописяхъ. Онъ встрѣтилъ, прежде всѣхъ, знакомаго ему, того библіотекаря (Лобанова), который желалъ быть похороненнымъ въ качествѣ члена Россійской Академіи. Сей стражъ русскаго слова подвелъ Стасова ко мнѣ, какъ къ искуснику, почерпнувшему уже мудрость свою изъ рукописей и сдѣлавшему заголовки. Въ тотъ же день я сдѣлалъ для Стасова, что̀ было нужно, и эта ничтожная вещь была поводомъ къ моему съ нимъ знакомству. Когда, на другой день, я принесъ ему свой рисунокъ, то онъ хотѣлъ-было заплатить мнѣ, но я посовѣстился взять у него 2—3 мѣдныхъ рубля и сказалъ, что личное мое знакомство съ нимъ есть плата слишкомъ достаточная за мой ничтожный трудъ. Тогда Стасовъ посадилъ меня, и мы провели въ бесѣдѣ нѣсколько завѣтныхъ для меня минутъ. По совѣту его, и при содѣйствіи директора-президента, я началъ посѣщать Академію Художествъ.

Войдя въ кругъ художниковъ, я возмечталъ, что вотъ я кончу ученье въ академіи и поѣду даже въ Италію совершенствоваться. Большинство академической молодежи помышляетъ объ Италіи, но очень немногіе ѣдутъ туда, и хорошо дѣлаютъ, потому что италіанская жизнь вообще мало приноситъ пользы молодымъ нашимъ художникамъ. Какъ ни отдаленна была для меня въ то время поѣздка въ Италію, но я началъ къ ней готовиться: пригласилъ signor'a Valerio (автора очень хорошей италіанской грамматики) учить меня поиталіянски. Приготовленія эти послужили только къ тому, что теперь я говорю немножко поитальянски и итальянскія книги—не чужія мнѣ книги, а Италія... Я встрѣтилъ 13-ти-лѣтнюю дѣвицу, въ которой угадалъ свою жену и съ нею забылъ про Италію. Совѣстно немножко признаться въ этомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень пріятно.

Въ годъ поступленія моего въ библіотеку было окончено новое ея строеніе, украшающее теперь Александринскую площадь. Книги, привезенныя изъ Польши [1]), вынули изъ ящиковъ и разставили въ шкафы. Привезенныя книги были взяты изъ нѣсколькихъ библіотекъ: Варшавской публичной, Общества любителей наукъ (Société philomatique), Пулавской князя Чарторижскаго, библіотеки пана Домбровскаго и князя Сапѣги. Послѣднія три библіотеки были такъ не полны, что ихъ скорѣе можно было назвать отрывками библіотекъ. До занятія нашими войсками тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ находились, поляки успѣли увезти изъ нихъ все, что̀ было лучшее. Каждая библіотека стояла у насъ отдѣльно.

Когда всѣ эти приращенія были разставлены, мнѣ открылось для изученія новое, очень обширное, пространство библіотеки. Молодой, цѣпкій и физически неутомимый, я лазилъ по шкафамъ и удовлетворялъ, какъ̀ умѣлъ, жажду знанія. Въ утреннее время, когда не было дѣла въ канцеляріи, я уходилъ въ новыя залы, а въ дни дежурства я оставался въ нихъ до сумерекъ. Года въ два-три я ознакомился съ библіотекой очень хорошо. Зналъ, гдѣ что̀ стояло въ старыхъ залахъ, зналъ всѣ привезенныя изъ Польши собранія книгъ и, когда библіотеку открыли для публики, а библіотекари попрежнему оставались закрытыми, я одинъ могъ удовлетворять всѣ требованія читателей, изъ всѣхъ отдѣленій на иностранныхъ языкахъ. Въ отдѣленіи книгъ русскихъ былъ всегда на лицо помощникъ Крылова, Иванъ Павловичъ Быстровъ.

Предъ открытіемъ читальной залы для публики, библіотеку посѣтилъ государь императоръ. Это произошло совершенно неожиданно. Въ жаркій лѣтній день [2]), часу во второмъ, вбѣжалъ въ залу канцеляріи министръ графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ и, не снимая ни шляпы, ни своего плаща съ коротенькимъ воротничкомъ, подбѣжалъ прямо къ казначейскому столу и быстро спросилъ меня: «гдѣ архитекторъ?» (Щедринъ). Когда я отвѣтилъ, что Щедрина нѣтъ въ библіотекѣ, министръ побѣжалъ назадъ, сказавъ: «сію минуту государь будетъ сюда». Изъ старшихъ чиновниковъ былъ на лицо одинъ только Востоковъ; но и тотъ, услышавъ, что государь будетъ, бросился домой надѣвать мундиръ. Онъ жилъ на дачѣ въ Емельяновкѣ, за Екатерингофомъ. Я побѣжалъ на верхъ убрать со стола книги, которыми я въ то утро занимался, и только-что успѣлъ смахнуть платкомъ пыль, оставшуюся на столѣ, какъ увидѣлъ идущаго государя съ министромъ и Щедринымъ. Я былъ въ вицмундирѣ, но остальное на мнѣ было свѣтлое, лѣтнее. Я зналъ, что государь не любилъ такихъ вольностей въ форменномъ костюмѣ, но отступать было поздно. Государь

---

[1]) Послѣ Польскаго возстанія 1830 года. В. С.

[2]) 5 іюля 1835 года. В. С

прошелъ, я поклонился, и по малой лѣстницѣ спустился въ залу канцеляріи. Когда я сказалъ чиновникамъ канцеляріи, что государь уже въ бель-этажѣ, то они совершенно растерялись. Старецъ буквально дрожалъ. Нѣсколько минутъ спустя государь прошелъ въ хранилище рукописей, а еще минуту спустя, оттуда выбѣжалъ Щедринъ и спросилъ, гдѣ Ардебильскія рукописи [1])? Старшихъ никого не было, но тутъ помогло мое всегдашнее любопытство: я зналъ, гдѣ стояли рукописи. Подбѣжать къ столу Востокова, вытащить изъ ящика ключи, подтащить къ шкафу лѣстницу (я не могъ достать ключемъ до замочной скважины) и отпереть шкафъ было для меня дѣломъ полуминуты. Когда государь началъ разсматривать рукописи, я поспѣшилъ уйти: неисправный костюмъ конфузилъ меня. Только-что государь уѣхалъ, въ библіотеку начали стекаться власти. Пріѣхали директоръ и библіотекари съ дачъ, явился и Востоковъ, изъ Емельяновки, усталый и въ мундирѣ. Въ это посѣщеніе государь приказалъ называть одну изъ большихъ залъ бель-этажа—Ларинскою, а для восточныхъ рукописей сдѣлать тѣ шкафы, которые и теперь закрываютъ собою два среднихъ столба хранилища рукописей.

Вслѣдъ за посѣщеніемъ государя, библіотеку открыли для публики. Читатели допускались только три раза въ недѣлю. Занятія въ читальной залѣ начались вяло. Посѣтители требовали русскихъ книгъ очень не много, а иностранныхъ еще меньше, потому что новыхъ книгъ библіотека тогда вовсе почти не покупала, русскихъ же печаталось мало, да и публика въ тѣ времена читала вообще далеко не такъ охотно, какъ теперь. Стоитъ оглянуться на журналистику прошлаго времени, чтобы получить понятіе о тогдашней любознательности нашей публики. Чтеніе есть важный симптомъ общественной жизни, и библіотека, какъ мѣсто для чтенія, есть наиудобнѣйшій инструментъ для наблюденія надъ движеніемъ умственной дѣятельности общества въ извѣстный періодъ времени. Само собою разумѣется, что всякія наблюденія могутъ быть вѣрны тогда только, когда инструментъ находится въ исправности, когда всѣ части его чисты, не засорены, хорошо отполированы и смазаны елеемъ. Чтеніе не есть безслѣдная забава, какъ танцы, игра въ карты и т. п. За чтеніемъ слѣдуетъ непремѣнно работа мозга, вызывающая слово. Если обѣ эти функціи совершаются у тысячи особей, то, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ отразятся на всемъ, чѣмъ общество занимается. Мы, старики, говоримъ, что теперь у насъ вздоръ говорятъ и вздоръ пишутъ, но, отрѣшась немного отъ настоящаго и воротясь къ тому времени, когда мы сами были молоды,

---

[1]) Восточныя рукописи знаменитой Ардебильской библіотеки (при мечети) были взяты и доставлены въ Россію въ 1828 г., генералъ-адъютантомъ графомъ Сухтеленомъ. В. С.

мы не затруднимся вспомнить, что и у насъ были свои старики, и они съ сожалѣніемъ покачивали на насъ головами. Всякое настоящее приходитъ для того, чтобы уступить мѣсто будущему, которое выразитъ послѣдствія всего, что̀ дѣлается въ настоящемъ, а кто знаетъ, какія будутъ послѣдствія нашего настоящаго? Какъ бы то ни было, но, сидя въ библіотекѣ съ 1834 года, и наблюдая ея читальную залу, можно убѣдиться, что интересы читающей публики страшно измѣнились въ 30 слишкомъ лѣтъ, и кто скажетъ, что наше общество идетъ назадъ, тотъ немножко ошибется, а если кто вздумаетъ проводить въ общество что̀-нибудь изъ преданій прошлаго, тотъ еще немножко ошибется.

Лѣность тогдашнихъ библіотекарей была выше лѣности публики. Читатели очень мало требовали, а библіотекари (кромѣ Ив. Павл. Быстрова) ничего не давали. Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ, писцу при казначейскихъ дѣлахъ, пришлось быть главнымъ дѣятелемъ по удовлетворенію читателей иностранными книгами. Можно себѣ представить, какъ не велики и не затѣйливы были требованія читателей, когда я въ состояніи былъ удовлетворять ихъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ занимался этимъ дѣломъ, потому что я понималъ важность его. Никто не обращалъ вниманія на то, что̀ я дѣлаю, и мнѣ странно показалось, что Ал. Хр. Востоковъ написалъ къ директору письмо, въ которомъ просилъ его прибавить мнѣ жалованья и сравнять меня съ подбиблiотекарями. Я узналъ объ этомъ тогда только, когда на письмо Востокова послѣдовалъ отказъ, и этотъ честный человѣкъ показалъ мнѣ его, выражая сожалѣніе, что хлопоты его не удались.

У насъ теперь въ читальной залѣ есть наборъ молодыхъ людей, носящихъ собирательное названіе «дежурства». Названіе это, по моему, не совсѣмъ сродно тому предмету, которому оно присвоено, но оно вѣрно по своему историческому происхожденію. Въ былыя времена всѣ библіотекари, старшіе и младшіе, и всѣ писцы дежурили въ библіотекѣ по цѣлымъ суткамъ, и на ихъ обязанности лежало выдавать читателямъ заранѣе приготовленныя книги. Въ дѣлѣ этомъ было прежде много патріархальнаго. Я уже не засталъ того времени, когда дежуривалъ Ив. Андр. Крыловъ, но мнѣ разсказывали, что, придя дежурить послѣ обѣда, онъ ложился обыкновенно на диванъ и читалъ лежа, а когда приходили посѣтители, то онъ, не вставая, указывалъ имъ на шкафъ съ приготовленными для нихъ книгами, и просилъ брать, что̀ кому нужно. Точно также, или почти также, поступали и другіе библіотекари изъ разряда высшаго. Когда библіотеку открыли для публики, въ мое уже время, высшіе библіотекари бо̀льшею частью не дежурили лично: обязанности эти исполняли за нихъ младшіе, за деньги, конечно.

Въ 1842 г., за смертью А. Н. Оленина, назначенъ былъ директоромъ библіотеки Д. П. Бутурлинъ, и общіе каникулы кон-

чились. Въ новомъ директорѣ я долго не видѣлъ человѣка. Въ дѣлахъ служебныхъ онъ сохранялъ неприступную важность и чрезмѣрную сухость въ обращеніи. Что всѣхъ библіотекарей онъ заставлялъ работать, это хорошо, но что онъ заставлялъ ихъ молчать, это не хорошо. Онъ былъ изъ военныхъ и любилъ, конечно, дисциплину. Дисциплина вещь хорошая, но въ гражданскомъ, а тѣмъ паче въ ученомъ дѣлѣ, она должна быть совсѣмъ не такая, какъ во фронтѣ, а библіотекари узнали фронтъ. Повиновались всѣ, нечего сказать, и хорошо повиновались, но изъ одного повиновенія проку, какъ извѣстно, бываетъ не много. Обуянные страхомъ библіотекари вели себя такъ, что съ способностями и знаніями ихъ Д. П. Бутурлинъ не имѣлъ возможности ознакомиться. Осмотрѣвшись на первыхъ порахъ, онъ убѣдился, что прежде всего нужно каталогизировать рукописи, и скомандовалъ всѣмъ библіотекарямъ: маршъ въ хранилище рукописей! Онъ не остановился на томъ, всѣ ли библіотекари годны для каталогизированія рукописей. Они носили званіе библіотекарей и этого для него было достаточно. Онъ заставилъ ихъ писать, а самъ очень добросовѣстно наблюдалъ, чтобы они не лѣнились. Очень понятно, что далеко не всѣ библіотекари были подготовлены для такой важной работы, а нѣкоторые были положительно не годны, но размышлять и подготовляться никто не думалъ, потому что этого не требовалось да и некогда было. Велѣно было описывать рукописи, всѣ и пошли описывать. Работы произведено было много, бумаги исписано также много, но все это продѣлано безъ всякаго участія мысли. Не было совокупной научной дѣятельности, совѣщаній, размѣна впечатлѣній, не было, наконецъ, критики, безъ которой многосложное дѣло библіографіи и въ особенности каталогизація рукописей хорошо идти не могутъ. Всякій старался сдѣлать какъ можно больше, чтобы заслужить благосклонную улыбку директора, всякій дорожилъ временемъ и не вникалъ поглубже въ то, что̀ дѣлалъ. Чтобы сдѣлать хорошо, нужно остановить вниманіе на предметѣ работы, изучить его; но останавливаться и изучать — значитъ терять время, и за потерю казеннаго времени получить выговоръ. Библіотекари разсказывали, что одинъ изъ нихъ, встрѣтивъ рукопись крайне неразборчивую и, не имѣя возможности изучить ее, ограничился слѣдующимъ упоминаніемъ въ каталогѣ: manuscrit historique.

Въ эпоху вступленія Д. П. Бутурлина въ управленіе библіотекой я все еще былъ писцомъ при казначейскихъ дѣлахъ. Узнавъ, что я художникъ, онъ поручилъ мнѣ привести въ порядокъ собраніе эстамповъ и возвелъ меня въ званіе подбиблiотекаря. Работа съ эстампами принесла мнѣ много пользы: я ознакомился съ историческимъ значеніемъ гравюры. Эта была какъ бы отдѣльная каѳедра въ курсѣ моего библіотечнаго образованія.

Работая съ гравюрами, я подмѣтилъ въ себѣ очень важный недостатокъ—незнаніе англійскаго языка. Я предвидѣлъ, что недостатокъ этотъ будетъ ставить меня въ неловкое положеніе современемъ, когда я, въ качествѣ подбиблiотекаря, окончивъ эстампы, займусь другими работами. Я пріискалъ англійскаго учителя и, когда въ скромной квартирѣ моей, жена моя въ одной комнатѣ брала уроки на фортепіано у извѣстнаго тогда въ Петербургѣ піаниста Фердинанда Шиллера, я, въ другой комнатѣ, при помощи мистера Бошмана, усвоивалъ себѣ формы англійскаго языка.

Принимаясь за эстампы, я имѣлъ осторожность представить директору предварительное объясненіе плана, которому я предполагалъ слѣдовать въ своей работѣ; я даже опредѣлилъ трехгодичный срокъ для совершеннаго окончанія дѣла. Дѣйствитольно, я провелъ три года надъ изученіемъ гравюры и вмѣстѣ надъ размѣщеніемъ по школамъ всего нашего собранія. Работалъ я одинъ въ залѣ существовавшаго тогда верхняго этажа, слитаго теперь мною съ бель-этажемъ [1]). Д. П. заходилъ ко мнѣ иногда, и, всегда строгій, всегда важный, посматривалъ на мою работу, не вникая, однакожъ, никогда въ то, что̀ я дѣлалъ, и такъ ли дѣлалъ, какъ обѣщено было въ предварительно представленномъ мною планѣ.

Кончивъ мой трудъ, я показалъ его Д. П—чу и получилъ отъ него строжайшій выговоръ за то, что во главѣ всей коллекціи лежала маленькая, но рѣдкая, гравюра Мартина Шёна, занумерованная не первымъ, а какимъ-то большимъ нумеромъ, по систематическому списку (Мартинъ Шёнъ выставленъ теперь въ витринѣ, какъ замѣчательное произведеніе, и знатоки останавливаются передъ нимъ). Не входя въ подробное разсмотрѣніе всего моего труда, Д. П. сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ и возвыся голосъ: «Вмѣсто того, чтобы привести эстампы въ порядокъ, вы привели ихъ въ безпорядокъ». Когда голосъ его возвышался, то никакія объясненія не могли имѣть мѣста. Передавая это грустное прошлое, я не могу, однакожъ, сказать съ укоромъ: «таковъ былъ Д. П. Бутурлинъ», но, съ признательностью къ настоящему, я могу сказать: «таковъ былъ у насъ духъ времени 20 лѣтъ тому назадъ». Есть и теперь грозные начальники, но они стали рѣдки, и это все больше такія особы, на которыхъ духъ времени не дѣйствуетъ: природа заклеймила ихъ, а тогда и умнѣйшіе люди нерѣдко были грубы.

Выговоръ, и притомъ очень строгій, въ самомъ финалѣ моей работы, могъ имѣть очень невыгодныя длл меня послѣдствія въ дальнѣйшей моей службѣ въ библіотекѣ. Я видѣлъ, что Д. П. заблуждался вслѣдствіе незнанія, но какъ же мнѣ было объяснять ему, когда дисциплина требовала покорности и молчанія! Счастли-

---

[1]) Капитальныя перестройки библіотеки были совершены въ 50-хъ и 60-хъ годахъ—Собольщиковымъ. В. С.

вая мысль озарила меня. Я обратился къ Н. И. Уткину, знаменитому граверу и хранителю эрмитажной коллекціи. Осмотрѣвъ все, что я сдѣлалъ, Уткинъ объявилъ, что и планъ моей работы, и исполненіе, несравненно лучше, нежели въ Эрмитажѣ, гдѣ этимъ дѣломъ занимался 40 лѣтъ нѣкій Нотъ, и сдѣлалъ такъ, что ничего найти нельзя. Мнѣніе Уткина было, конечно, уважено, и я получилъ приказаніе описать гравюры въ томъ порядкѣ, какъ онѣ разложены. Описаніе это я сдѣлалъ, и представилъ 10 томовъ in-fol.

Д. П. находилъ, что старая часть зданія библіотеки въ конструкціи своей имѣетъ слишкомъ много дерева, и по этому она не довольно безопасна для такого учрежденія. Онъ началъ хлопотать о перестройкѣ, и добился того, что архитектору министерства народнаго просвѣщенія, А. Ѳ. Щедрину, поручено было составить проектъ. Щедринъ взглянулъ на дѣло слишкомъ консервативно. Вмѣсто внутреннихъ деревянныхъ коллонъ онъ нарисовалъ чугунныя, вмѣсто деревянныхъ хоръ проектировалъ желѣзныя, и, наконецъ, деревянныя балки гладкаго потолка предположилъ замѣнить желѣзными, кованными. О полахъ, дверяхъ, окнахъ и шкафахъ не было и помину, а сумма расхода выразилась въ цифрѣ 500.000 руб. ассигнаціями. Сумма оказалась слишкомъ круглая, и Д. П—чу отказали. Мое дѣло было тогда молчать и смотрѣть, какъ старшіе дѣйствуютъ. Щедринъ удостоилъ, однакожъ, меня чести посмотрѣть на его проектъ, и мнѣ померещилось, что я сдѣлалъ бы иначе; но я былъ глубоко убѣжденъ, что моя мысль есть фантазія, а настоящее-то, хорошее дѣло, замышляетъ онъ, Щедринъ. Дома я попробовалъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что фантазія мнѣ диктовала. Если предъ начальствомъ я долженъ былъ молчать, то вѣдь это не значитъ, что и дома я не долженъ чертить. Я чертилъ, думалъ, соображалъ, и, позабывшись, бросилъ свои эскизы въ портфель, а чрезъ 20-лѣтъ мнѣ пришлось ихъ искать. Въ послѣдніе три года [1]) я исполнилъ точь въ точь то же самое (кромѣ полукруга, гдѣ сидитъ Вольтеръ), что̀ роилось въ моей головѣ во времена Д. П. Бутурлина.

Служители библіотеки помѣщались такъ дурно, что Д. П. началъ ходатайствовать о постройкѣ для нихъ новаго флигеля. Это ходатайство его было уважено, и онъ поручилъ архитектору библіотеки составить проектъ; но архитекторъ проектовъ дѣлать не умѣлъ, и нашелъ болѣе удобнымъ совсѣмъ отказаться отъ такого мѣста, на которомъ вздумали заставлять его дѣлать проектъ. Д. П. обратился къ Щедрину, а тотъ указалъ на меня. Д. П—чу казалось страннымъ, чтобы человѣкъ, разбирающій эстампы, могъ также строить, но онъ послушался Щедрина, и съ тѣхъ поръ

[1]) 1865—1867 гг. В. С.

я—архитекторъ библіотеки. Составивъ проектъ, я началъ строить тотъ флигель, въ которомъ служители живутъ и теперь. Первый годъ постройки прошелъ благополучно, но при отдѣлкѣ флигеля случилась у меня съ Д. П. встрѣча сильная. Я умолчу о ея подробностяхъ, потому что она грустная, и притомъ мнѣ пришлось бы разсказывать, какъ сильный и притомъ умный человѣкъ, впалъ въ ошибку, допустивъ себя повѣрить тому, что̀ очень похоже на правду. Скажу только, что было подозрѣніе возмутительное; было, если не формальное слѣдствіе, то по крайней мѣрѣ очень строгое разслѣдованіе или дознаніе. Послѣ всего этого, Д. П. скинулъ предо мною свою грозную внѣшность и явился человѣкомъ добрымъ и даже ласковымъ. Въ то время я не постигалъ, какое сильное вліяніе имѣла на него его ошибка относительно меня, но когда, послѣ его смерти, я, какъ архитекторъ, имѣлъ довольно серьезныя дѣла съ покойной его супругой, которой я ни разу не видалъ при его жизни, когда она ласково, почти нѣжно, приняла меня въ Парижѣ въ 1859 г., не задолго до ея кончины, когда, наконецъ, я сталъ получать чрезъ русскихъ путешественниковъ поклоны отъ его сына, поселившагося за границей—тогда я понялъ, что Д. П. должно быть искренно сожалѣлъ о прошломъ, и передавалъ въ своемъ семействѣ подробности моего дѣла. Какую неизмѣримую разницу увидѣлъ я между грознымъ начальникомъ, пушившимъ меня за эстампы, и человѣкомъ, протянувшимъ мнѣ руку!

Вспоминая начало моей архитекторной дѣятельности въ библіотекѣ, не могу не разсказать одного необыкновеннаго психическаго явленія, мною тогда испытаннаго. Снилось мнѣ однажды, что въ темномъ углу 6-й залы происходитъ пожаръ. Сновидѣніе было не страшное, но я до того отчетливо запомнилъ всѣхъ людей, которые были на пожарѣ и всѣ слова, которыя они говорили, что даже разсказалъ свой сонъ женѣ. Спустя нѣсколько дней, снится мнѣ тотъ же пожаръ, и въ томъ же углу 6-й залы, но съ такой тревогой и такой бѣготней, что я даже проснулся отъ волненія. Второй сонъ я также разсказалъ женѣ. Прошло еще, можетъ быть, съ недѣлю, какъ тотъ же зловѣщій сонъ представился мнѣ, но уже въ размѣрахъ ужасающихъ: я видѣлъ пожарную команду, государя. Съ крикомъ вскочилъ я съ постели и, придя въ библіотеку, отправился прямо въ 6-ю залу, чтобы осмотрѣть темный ея уголъ. Надъ шкафомъ по стѣнѣ тянулась темная полоса копоти. Такіе полосы бываютъ у душниковъ, но, хотя подъ этой полосой дѣйствительно былъ душникъ, но она показалась мнѣ чернѣе, и я попросилъ эконома приказать не топить коробовой печи, стоявшей въ подвалѣ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тревожные признаки были обнаружены. Одну печь можно было перестать топить, потому что, было такое время года, что холодовъ ужъ можно было не бояться. Съ наступленіемъ времени ремонтныхъ работъ я разо-

бралъ шкафъ и, въ соединеніи стѣны съ плитною выстилкой подъ шкафами, нашелъ щель, сквозь которую огонь проникалъ изъ дымовой трубы прямо подъ шкафъ. Нижняя сторона нижней полки уже превратилась въ уголь: не доставало небольшого отверстія, чтобы раздуть пламя. Сдѣлали все, что было нужно, чтобъ совершенно устранить опасность. Экономъ не рѣшился доложить директору ни о грозившей бѣдѣ, ни о мѣрахъ, принятыхъ къ ея устраненію. Дѣйствительно, случай этотъ могъ сильно встревожить директора и произвести такую исторію, отъ которой пострадалъ бы, можетъ быть, и строитель зданія, Щедринъ, между тѣмъ какъ, по справедливости, его никакъ нельзя было обвинять. Строителю не было никакой возможности усмотрѣть то, что̀ я нашелъ совершенно случайно. Могъ ли строитель, или его помощникъ, наблюдать, какъ клали плитную выстилку, которая, со множествомъ другихъ болѣе важныхъ работъ, производилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ одно и то же время? Поднявъ плиту, я нашелъ разбитую шайку, сломанныя носилки и рогожу. Все это было уже сгорѣвшее, и только по группамъ угля можно было угадать, какіе это были предметы.

Когда я работалъ съ эстампами, прочіе библіотекари, покончивъ съ рукописями, принялись за печатныя книги. Дѣло началось съ перестановки всей библіотеки. Старое собраніе книгъ, состоявшее изъ библіотекъ братьевъ Залусскихъ, князя Лобанова-Ростовскаго, Вязмитинова и полоцкой поіезуитской, сливалось съ библіотеками, привезенными изъ Польши. Въ это же время поступило къ намъ великолѣпное собраніе книгъ графа Сухтелена, также потонувшее въ общей массѣ. Все это необозримое море книгъ долго колыхалось и переносилось съ одного мѣста на другое, пока наконецъ не образовало нынѣшнихъ главныхъ отдѣленій. Общая переноска книгъ была работа титановъ, и когда наконецъ она была окончена, всѣмъ библіотекарямъ приказано было работать опять вмѣстѣ, и начать каталогизацію отдѣла наукъ историческихъ. Д. П. Бутурлинъ любилъ порядокъ и отчетливость, и вовсе не былъ склоненъ полагаться на добросовѣстность своихъ подчиненныхъ. Чтобы удостовѣриться, сколько можетъ сдѣлать ежедневно одинъ библіотекарь, онъ самъ лично сѣлъ работать съ ними, и, проработавъ 4 часа, опредѣлилъ, чтобы каждый библіотекарь изготовлялъ въ теченіе недѣли извѣстное количество карточекъ и сдавалъ ихъ эконому. Работа закипѣла, но ее производили люди разнородные и по способностямъ, и по свѣдѣніямъ. Имъ, конечно, не было дано мѣста выказать свои способности и познанія: велѣно было только списывать заглавія цѣликомъ, списывать съ дипломатическою точностію, и еженедѣльно передавать эконому установленное количество листковъ. Начальникъ относился къ дѣлу безучастно, и требовалъ только цифры; подчиненные работали также безучастно, и, въ свою очередь, хлопотали также объ одной только

цифрѣ, старались списывать возможно бо́льшее число заглавій. Кто успѣвалъ написать больше, нежели было установлено, тотъ излишекъ свой пряталъ въ запасъ, и не сдавалъ эконому. Явилось на сцену школьничество. Нѣкоторые библіотекари приходили украдкой, въ праздничные дни, пораньше, и подбирали для себя книги съ коротким заглавіями, а свои, съ длинными заглавіями, подсосывали товарищамъ. Многотомныя сочиненія, имѣвшія короткія заглавія, разставляли въ разные шкафы, каждый томъ отдѣльно, чтобы потомъ писать для каждаго тома отдѣльную короткую карточку. Вслѣдствіе этихъ продѣлокъ, когда всѣ карточки были написаны и приведены въ азбучный порядокъ, то, конечно, карточки всѣхъ частей многотомныхъ сочиненій соединились. По указаніямъ листковъ, разбросанные томы отыскивались и ставились вмѣстѣ, а лишнія карточки выбрасывались.

Въ эпоху всеобщаго писанія карточекъ для отдѣленія историческихъ наукъ, послѣдовало личное мое сближеніе съ Д. П. Бутурлинымъ и окончаніе инвентарной описи собранія эстамповъ. Я предвидѣлъ, что и меня сошлютъ въ историческую артель, но, къ великому моему счастію, мнѣ позволено было заниматься одному въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ, и даже не было предписано сдавать свою работу понедѣльно эконому. Это былъ признакъ довѣрія ко мнѣ. Само собою разумѣется, что въ искусствахъ я принялся дѣлать совершенно то же самое, что прочіе товарищи дѣлали въ исторіи.

Въ первоначальной разстановкѣ книгъ, на полкахъ господствовалъ азбучный порядокъ, но при перестановкѣ «Историческаго отдѣленія» во время слитія всѣхъ библіотекъ, порядокъ этотъ былъ оставленъ по идеѣ Шреттингера (Schröttinger, Versuch eines vollständigen Lehrbuchs der Bibliothek-Wissenschaft). Допуская такую важную реформу, библіотекари совершили, однакожъ, поклоненіе рутинѣ и сохранили раздѣленіе на форматы, а не поставили книгъ просто по ихъ величинамъ. Книги одного формата бываютъ, какъ извѣстно, разныхъ величинъ, вслѣдствіе чего верхи ихъ на полкѣ не имѣютъ прямой горизонтальной линіи. Отъ этого между полками бываетъ много неправильныхъ пустотъ, которыя, въ общей массѣ, составляютъ большія незанятыя пространства. Когда библіотекой сталъ управлять баронъ М. А. Корфъ, и новыя книги обильнымъ потокомъ полились въ нее, тогда въ отдѣленіи исторіи вдругъ оказался недостатокъ мѣста. Библіотекари обратились къ начальству съ просьбой построить новые шкафы, а начальство призвало на совѣтъ меня, какъ архитектора; но я, не пускаясь въ архитекторскія соображенія, заговорилъ прежде, какъ библіотекарь, и посовѣтовалъ прекратить поклоненіе формату, не имѣющему, по личнымъ моимъ убѣжденіямъ, ни малѣйшаго значенія въ разстановкѣ книгъ, подобрать книги строго по ихъ величинамъ, для того, чтобы

верхнія ихъ оконечности представляли горизонтальную линію, къ которой можно было бы опустить слѣдующую полку. Библіотекари возстали противъ такого вандализма, но изъ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ ими, самое сильное было то, что во всѣхъ библіотекахъ Европы книги ставятся по форматамъ, и большія книги in 4° никогда не смѣшиваются съ малыми фоліантами, а малыя in 4°— съ большими октавами. Доказательство это было, однакожъ, не такъ сильно, какъ велика была польза, предусматриваемая въ экономіи мѣста. Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было переставить книги по величинамъ. Переставили, и получили свободнаго мѣста бобѣе 40% въ двухъ обширныхъ залахъ: 12-й и 14-й. Изветшавшая теерія была безжалостно возложена на алтарь предъ здоровою и свѣжею силою практики. Не смотря на весь вандализмъ этой мѣры, въ «Историческомъ отдѣленіи» книгу никогда не ищутъ, а идутъ по указанію каталога прямо къ тому мѣсту, гдѣ она стоитъ и берутъ ее, не теряя ни секунды на поиски. Какъ ни практична такая разстановка, но сила привычки такъ велика, что ученѣйшіе библіотекари подтрудиваютъ надъ ея изобрѣтателемъ и называютъ ее «солдатской разстановкой». Въ дѣлѣ, практически полезномъ насмѣшки очень сносны, а иногда онѣ даже забавляютъ, когда бываютъ остроумны. Насмѣшка идетъ къ своей скромной цѣли, а практическое и притомъ хорошее дѣло довольно краснорѣчиво говоритъ само за себя.

Насмѣшки надъ нашей разстановкой книгъ не замкнулись въ нашей библіотекѣ, а перешли и въ Германію. Одинъ ученый путешественникъ, Бругшъ [1]), изобразилъ ее въ очень смѣшномъ видѣ. Въ книгѣ его: «Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861», въ первомъ томѣ, на стр. 91—93, помѣщенъ небольшой разсказъ о библіотекѣ кавказскаго намѣстника, и такой интересный, что я выписываю его вполнѣ.

«Der Fürst schickte mir die Kataloge seiner Bibliothek, eine Zusammenstellung nach verschiedenen Prinzipien geordneter buntgefärbter Zettel, die sehr sauber und übersichtlich in Cartons niedergelegt waren. Der Statthalter liess mir zugleich den Wunsch aussprechen, ein Urtheil über diese neuerdings erst von seinem Bibliothekar geordneten Kataloge zu fällen.

«Ich hatte kaum die Kasten geöffnet, als ein braver Offizier der kaukasischen Armee mich eilends zu sprechen begehrte.

«Es war der Rittmeister Corradini. Das Georgenkreuz auf seiner Brust, das Annenkreuz am Säbel sagten mir deutlich genug, dass ich die Ehre hatte einen der Tapferen zu sehen, die Tscherkessenkugeln und Tscherkessenmessern furchtlos entgegengehen.

«Ah, Monsieur, sagte er mir im geläufigsten Französisch, vous

[1]) Знаменитый египтологъ. В. С.

allez me perdre sans le savoir peut-être! ayez pitié de moi! vous avez les catalogues de notre prince?»

«Mir wurde bei den hastig und athemlos gesprochenen Worten selber angst uud bange. Ich bejahte die Frage.

«Sie wissen vielleicht noch nicht, fuhr er fort, dass ich der Bibliothekar des Fürsten bin. Wenn Sie ihn kennen würden! er ist wie ein Kind so gütig, so zärtlich, aber auch streng und zornig, wie der Löwe. Ich habe die Bibliothek ordnen und die Form und Anordnung der Kataloge geradezu erst erdenken müssen, um dem Fürsten das Finden und Holen eines Buches ohne Zeitverlust noch Missverständniss zu gestalten. Welche Arbeit für mich! Lieber vor einer Batterie stehen, als vor solchen pappenen Soldaten».

«Sie wissen, der Fürst leidet zeitweise so furchtbar an Rheumatismus, fuhr er fort, dass er nicht im Stande ist, ein Glied zu rühren, geschweige sich von seinem Sessel zu erheben. Er will ein Buch haben. Nehmen wir an Lamartine's Poesien. Er klingelt den Kosaken. Der bringt ihm die Farbentafel. Jeder Wissenschaft habe ich eine besondere Farbe zugetheilt».

— «So findet man die Theologie im... «schwarzen Kasten?» fiel ich ein.

— «Ganz recht, im schwarzen, die Medicin im rothen, u. s. w. Der Poesie habe ich die rosenrothe Farbe gegeben. Der rosenrothe Kasten wird geholt, unter L findet sich Lamartine und die Nummer des Buches. Der Kosak geht zum rosenrothen Spinde, sucht Nummer so und so heraus, und das gewünschte Buch wird dem Fürsten gebracht».

«Lachend stimmte ich dem Systeme des guten Rittmeisters bei und verstand nun die farbigen Zettel.

— «Ja, draussen in Europa ist die Sache leichter, aber denken Sie nur daran, dass hier im Kaukasus Lesen und Schreiben beim gemeinen Mann etwas seltenes ist. Der Kosak kann nur Zahlzeichen erkennen, die Farben weiss er ja zu unterscheiden, somit ist das Suchen eines Buches ohne die geringste Schwierigkeit verknüpft, und, was die Hauptsache ist, der Fürst verliert nicht die Geduld».

«Ich konnte nur von neuem das System des Rittmeisters loben.

— «Also Sie werden meine Kataloge beim Fürsten nicht tadeln?»

— «Im Gegentheil, erwiderte ich, in der verdienten Weise bestens loben.

— «Oh, sie machen mich unendlich glücklich! Rechnen Sie auf jede Art von Dienstleistung meinerseits».

Весь этотъ милый разсказъ, въ которомъ храбрый ротмистръ умоляетъ ученаго путешественника, какъ школьникъ учителя, нуженъ былъ только какъ грунтъ для картины, изображающей въ общихъ чертахъ нашу библіотеку. Жаль только, что ученый не съумѣлъ назвать вещь своимъ именемъ и употребилъ слово Systême тамъ, гдѣ системы вовсе не было. Это даетъ мѣсто подозрѣнію, что г. Бругшъ, при всей учености своей, не знаетъ библіотечной но-

менклатуры, но ктожъ это замѣтитъ? Вѣдь г. Бругшъ, въ разсказѣ своемъ, трактуетъ не о серьезномъ предметѣ, а скромно передаетъ подробности о томъ, какъ онъ облагодѣтельствовалъ храбраго русскаго ротмистра Коррадини. Насмѣшки надъ Россіей и русскими сдѣлались общимъ мѣстомъ у всѣхъ путешественниковъ средней руки, такъ съ какой же стати г. Бругшу заглядываться на тѣхъ, которые пишутъ свои путешествія размышляя? Въ разсказѣ о ротмистрѣ видна хвастливость, а то, что̀ я сейчасъ приведу о нашей библіотекѣ, очень похоже на сказку, которой повѣрятъ только люди, стоящіе не выше г. Бругша. Вотъ его финалъ къ разсказу о ротмистрѣ.

«Hätte ich die nach guten und schlechten Einbänden, so wie nach ihrem Inhalt, geordnete kaiserliche Bibliothek einer der ersten Hauptstädte Russlands ein Jahr früher gesehen, anstatt ebensoviel Zeit später, so hätte ich die Kühnheit gehabt bei S. D. dem Fürsten Statthalter den gehorsamsten Antrag zu stellen, den tapfern Rittmeister Corradini auf einige Zeit als Muster-Oberbibliothekar nach..... und die gelehrten Herren der gemeinten Bibliothek nach den Schlachtfeldern des Kaukasus zu senden.

«Die Bibliothek würde gewonnen, der Kaukasus freilich verloren haben».

Когда я прочелъ эти строки, то мнѣ показалось: не подшутилъ ли кто-нибудь изъ нашихъ библіотекарей надъ довѣрчивымъ нѣмцемъ? Когда ему разсказали, какъ варварски разставлены у насъ книги, то онъ непремѣнно долженъ былъ удивиться и непремѣнно долженъ былъ спросить: «какъ же вы, злосчастные, отыскиваете книги?» Очевидно, ему не пришло въ голову сдѣлать этого самаго естественнаго вопроса, потому что еслибъ онъ его сдѣлалъ, то ему показали бы каталоги такіе, какихъ не только во всей Европѣ, но даже за Кавказомъ у Коррадини онъ не нашелъ бы. Я видѣлъ каталоги многихъ иностранныхъ библіотекъ, видѣлъ систематическую разстановку и могу, положа руку на сердце, сказать, что хорошихъ каталоговъ я не видалъ, а систематической разстановки, такой, какую я понимаю, также не видалъ.

Систематическую разстановку я такъ уважаю, что когда мнѣ случилось приводить въ порядокъ небольшую, тысячъ въ десять томовъ, библіотеку князя С. М. Воронцова, то я разставилъ ее въ систематическомъ порядкѣ. Но въ такомъ громадномъ собраніи, какъ библіотека Императорская Публичная, я эту разстановку признаю невозможною, при ея безпрерывномъ и довольно сильномъ возростаніи. Что̀ же будетъ со временемъ, когда содержаніе ея удвоится, когда явятся библіотекари вдвое умнѣе и практичнѣе насъ? Неужели они воскресятъ въ ней систематическую разстановку, попранную нами въ то время, когда во всей Германіи она

процвѣтала? Неестественнаго въ подобной будущности ничего не предвидится, но возможнаго предвидится очень и очень мало.

Начавъ каталогизировать отдѣленіе искусствъ, я присматривался къ пріемамъ старѣйшихъ, подвизавшихся въ историческомъ отдѣленіи, но потомъ, когда историки написали послѣднее заглавіе и Д. П. Бутурлина не стало, а у меня было сдѣлано немного, я все снова передѣлалъ и передѣлалъ потому, что новый директоръ библіотеки, баронъ М. А. Корфъ, нашелъ почему-то болѣе удобнымъ позволить библіотекарямъ размышлять и судить о томъ, что они дѣлаютъ. Онъ, конечно, имѣлъ уже опредѣленный планъ дѣйствія, но всякое свое намѣреніе подвергалъ критикѣ библіотекарей, и такимъ образомъ знакомился съ ними. Мы всѣ тогда были начинающими учениками, потому что въ прошломъ, послѣ тунеядства при А. Н. Оленинѣ, мы проработали 8 лѣтъ въ качествѣ писарей. О библіологіи не было рѣчи. Кто изъ работавшихъ въ «Историческомъ отдѣленіи» былъ одаренъ способностью размышлять и наблюдать, тотъ, не смотря на то, что размышленія и наблюденія его не были вызываемы для пользы дѣла, все-таки наблюдалъ, все-таки размышлялъ, и если не сдѣлался библіографомъ, то по крайней мѣрѣ получилъ значительную подготовку, чтобы сдѣлаться имъ впослѣдствіи. Были, конечно, и такіе, которыхъ сама природа отличила косностью. Они, какъ куколки, оставались запутанными паутиной машинальной переписки въ «Историческомъ отдѣленіи». Сквозь эту паутину они ничего не видѣли, кромѣ цифры, которую къ субботѣ должна была представить недѣльная ихъ работа. Они едва ли подвинулись сколько-нибудь въ библіотечной работѣ, и, когда открылось поле для приложенія мысли къ дѣлу, то они... но всѣ они такіе милые, что я останавливаю мое о нихъ повѣствованіе.

В. Собольщиковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО БИБЛІОТЕКАРЯ [1].

II.

Назначеніе директоромъ Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа. — Новый порядокъ въ Библіотекѣ.—Помощникъ директора князь В. Ѳ. Одоевскій.—Дѣятельность барона Корфа.—Основаніе отдѣленія «Rossica».—Мои помощники по устройству этого отдѣленія.—Библіотекарь Беркгольцъ.—В. В. Стасовъ.—Передѣлки въ залахъ Библіотеки.—Пожаръ.—Ревизія кассы Библіотеки.—Посѣщеніе Библіотеки министромъ двора графомъ А. Ѳ. Адлербергомъ.—Аукціонная продажа дублетовъ Библіотеки. – Новыя постройки въ Библіотекѣ.—Оставленіе бароном Корфомъ управленія Библіотекой.

БАРОНЪ М. А. Корфъ повелъ насъ за собою, или, выражаясь исторически, вступилъ въ управленіе Библіотекой, въ концѣ 1849 года. Оленина мы звали генераломъ, Бутурлина — директоромъ, а барона стали звать просто бароном, и теперь, когда его уже нѣтъ впереди насъ, мы говоримъ о «временахъ барона».

Баронъ засталъ Библіотеку въ то время, когда въ «Историческомъ отдѣленіи», по приведеннымъ въ азбучный порядокъ карточкамъ, соединялись разбросанные томы и выбирались дублеты. Лишнія карточки, отъ соединенныхъ частей многотомныхъ изданій, составили очень увѣсистую кучу бумаги. Они принесли пользу одному только Д. П. Попову, старшему изъ старыхъ библіотекарей: съ разрѣшенія барона онъ унесъ ихъ домой и чистую ихъ сторону употребилъ для своихъ лексикографическихъ работъ [2]); но польза, принесенная дублетами, была много-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ, т. XXXVIII, стр. 70.

[2]) Д. П. Поповъ былъ профессоромъ греческаго и латинскаго языка В. С.

стороння и велика: она отозвалась на всемъ составѣ Библіотеки. Выборку дублетовъ производили тѣ же библіотекари, которые впослѣдствіи старались затмить всѣхъ не-библіотекарей своею библіотечною ученостью, но во время выборки дублетовъ, т. е. вслѣдъ за писарской 8-ми-лѣтней практикой, они дѣйствовали подамски. Взглядъ на книги былъ у нихъ такъ мало выработанъ, что они предпочитали и оставляли въ Библіотекѣ экземпляры, которые были принаряжены переплетомъ, а въ дублетную часть ставили брошюрованныя или плохо переплетенныя книги, иногда очень рѣдкія по гравюрамъ и разнаго рода дополненіямъ. Въ небрежности нельзя было никого упрекнуть: не было того знанія, какое явилось впослѣдствіи, а если его не было, то обвинять библіотекарей въ ошибкахъ при выборѣ дублетовъ было бы несправедливо. Мы стали учиться тогда, когда стали работать не по недѣльнымъ урокамъ.

Самою лучшею школой была для насъ продажа дублетовъ. Баронъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на продажу ненужныхъ Библіотекѣ дублетныхъ экземпляровъ. Операція эта имѣла многосторонне полезное значеніе. Во-первыхъ, она доставила Библіотекѣ больше 50,000 р. наличныхъ денегъ, на которыя было куплено множество новыхъ книгъ; во-вторыхъ, она дала возможность принять нѣкоторыя капитальныя мѣры для обезпеченія зданія Библіотеки отъ внутренняго пожара и обновить нѣкоторыя ея залы, имѣвшія видъ ветхости неприличной: въ-третьихъ, она дала Библіотекѣ много свободнаго мѣста для новыхъ приращеній, и, наконецъ, что́ едва ли не важнѣе всего, она дала библіотекарямъ массу библіологическихъ знаній. Безпрерывныя сношенія съ покупателями-знатоками, живая бесѣда съ ними, конкурренція страстныхъ любителей, гонявшихся, по нѣскольку человѣкъ вдругъ, за одною и тою же книгою; разныя уловки, къ которымъ они прибѣгали, чтобы перебить другъ у друга покупку; словоохотливость библіомановъ, разсказывавшихъ разные анекдоты библіотечнаго міра, расхваливавшихъ сдѣланныя ими пріобрѣтенія, или просто старавшихся блеснуть своимъ знаніемъ, все это насъ забавляло, а съ тѣмъ вмѣстѣ и многому научило. Правда, что и наша самодѣятельность была сильно оживлена, тѣмъ не менѣе, можно сказать положительно, что продажа дублетовъ была для насъ какъ бы университетскимъ курсомъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, учащіеся получаютъ не болѣе, какъ умѣнье учиться безъ помощи учителя.

Намъ было надъ чѣмъ учиться. Всякому изъ насъ дана была отдѣльная часть для разработки, и тутъ ужъ нельзя было прикрываться цифрой сдѣланнаго: и количество, и качества, все было на виду. Баронъ никого не понуждалъ, никому не давалъ ни совѣтовъ, ни наставленій, а только заглядывалъ въ отдѣленія всѣхъ библіотекарей, и съ участіемъ добраго товарища разспрашивалъ о

ходѣ дѣла. Всюду онъ расточалъ похвалы и одобренія, а библіотекари, работая какъ кто могъ, постоянно ждали его посѣщеній и старались приготовить что-нибудь новое, чтобы показать ему. Всѣ чувствовали себя очень хорошими дѣятелями на своихъ мѣстахъ, хотя далеко не всѣ были способны быть въ дѣйствительности хорошими дѣятелями. Нельзя заставить неспособнаго сдѣлать что-нибудь выше его силъ, нельзя также вдругъ набрать людей способныхъ и приготовленныхъ къ библіотечной работѣ. Баронъ употреблялъ въ дѣло тѣ силы, какія нашелъ въ наличности, и не мнѣ судить, хорошо ли онъ ихъ употреблялъ. Что касается до меня, то въ библіотечной наукѣ я ставлю себя не выше хранителя. Дѣлателемъ ученымъ, библіографомъ, признавать себя я никакъ не могу, потому что ремесломъ я архитекторъ, и довольно важныя строительныя операціи, произведенныя мною въ зданіи Библіотеки, очень ясно говорятъ, на какомъ инструментѣ я игралъ въ оркестрѣ, исполнявшемъ подъ управленіемъ барона, обширную симфонію, называемую: «развитіе Императорской Публичной Библіотеки». Правда, что я немножко библіотекарь, но это случилось совершенно неожиданнымъ мною манеромъ. Къ этому спеціальному званію я не готовился, и, слѣдовательно, присвоивать его себѣ, мнѣ не подобаетъ.

Въ библіотекарство втянуло меня слѣдующее обстоятельство. Баронъ предположилъ образовать въ Библіотекѣ такое собраніе книгъ на иностранныхъ языкахъ, въ которомъ бы было соединено все, что имѣетъ прямую связь съ Россіей, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Образованіе этого собранія онъ принялъ на себя, а каталогизацію и храненіе книгъ возложилъ на меня. Думалъ ли баронъ, что я старый библіотекарь и знатокъ книжнаго дѣла, или онъ подмѣтилъ во мнѣ нѣкоторую наклонность къ порядку, но только библіотекаремъ онъ меня сдѣлалъ, и хотя я представлялъ ему въ самомъ началѣ, что есть въ Библіотекѣ люди поспособнѣе меня, хотя я и впослѣдствіи пытался доказывать ему свою некомпетентность, но онъ не переставалъ выражать мнѣ свое удовольствіе за все, что я дѣлалъ какъ библіотекарь. Какъ и что я дѣлалъ, о томъ я скажу послѣ.

Баронъ любилъ раздѣленіе труда, и взявъ въ руки Библіотеку, оставилъ за собой только то, что онъ дѣйствительно долженъ былъ дѣлать, а именно: вести учрежденіе къ цѣли его существованія, т. е. обогатить Библіотеку новыми книгами и привлечь публику въ мѣсто, для нея уготованное. Счетную часть, храненіе кассы и прочіе хозяйственные хлопоты онъ предоставилъ помощнику своему, князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому, человѣку съ чистой душей, теплымъ сердцемъ и наклонностями чисто-поэтическими. Извѣстно, что доку и дѣльца, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ, провести нелегко, но самаго умнѣйшаго и притомъ добро-

душнаго человѣка обмануть очень не трудно. Мнѣ случалось не разъ видѣть, какъ заблуждался баронъ подъ вліяніемъ низкопоклонства и смазливой преданности пройдохъ, но всѣ эти заблужденія не имѣли никакихъ послѣдствій. Смотря на нихъ со стороны, жаль только было, что высокія нравственныя начала профанировались пролазами. Кому изъ насъ не случалось подавать милостыню такимъ людямъ, которые прямо отъ насъ отправлялись въ мѣста разгула и веселья, а мы уносили пріятное сознаніе, что сдѣлали очень доброе дѣло. Такія ошибки и часты и безслѣдны, но съ княземъ случилась ошибка не безслѣдная.

Въ Библіотекѣ былъ казначей, принимавшій и расходовавшій деньги, которыми завѣдывалъ князь. Однажды казначей принялъ изъ Главнаго Казначейства 2000 рублей и заболѣлъ именно въ тотъ часъ, когда онъ долженъ былъ представить эти деньги князю, для вложенія въ сундукъ. Князь повѣрилъ болѣзни, а недѣли чрезъ двѣ зашелъ ко мнѣ въ отдѣленіе поговорить. Поговорили и кончили тѣмъ, что я обѣщалъ принять на себя казначейскія обязанности временно, пока настоящій казначей перестанетъ быть больнымъ. Онъ, однакожъ, не переставалъ быть больнымъ, а переставалъ совсѣмъ служить. Когда этотъ фактъ совершился, тогда мнѣ сказали, что я уже не временный, а постоянный казначей. Кассу я принялъ не отъ предмѣстника своего, а отъ князя, и замѣтилъ, что въ черновомъ аттестатѣ моего предшественника была зачеркнута цѣлая строчка: «и исполнялъ обязанности свои какъ надлежитъ честному и благородному человѣку».

Князь въ дѣлахъ денежныхъ былъ довѣрчивъ такъ, какъ прилично дѣйствительно честному и благородному человѣку, но послѣ исторіи увольненія предмѣстника моего, мнѣ не удобно было терпѣть довѣрчивость князя. Я выразилъ откровенно желаніе свое имѣть на своихъ рукахъ всѣ деньги, не вкладывая бо́льшую ихъ часть въ сундукъ, украшенный печатью князя, но такъ какъ я чувствовалъ за собой нѣкоторую слабость характера и былъ, можетъ быть, способенъ поступить съ казенными деньгами не надлежащимъ образомъ, то для предупрежденія подобной несообразности, просилъ позволенія вложить въ сундукъ, завѣдываемый княземъ, мою собственную—въ банковыхъ билетахъ—сумму, равную казенному maximum. Начальство попустило эту либеральность, и князь, ревизуя ежемѣсячно кассу, на основаніи правилъ счетоводства, пересматривалъ только шнуровыя книги, не имѣя надобности справляться: всѣ ли казенныя деньги на лицо. А онѣ, признаюсь, никогда не бывали всѣ на лицо: нѣкоторые недостаточные чиновники, и въ особенности переплетчикъ, всегда аттаковывали меня своими просьбами выдать имъ впередъ, и эти впередовыя выдачи переходили иногда за 2000 рублей. Всѣ беззаконія мои составляли, конечно, нашу семейную тайну, въ которую, однакожъ, проникалъ

иногда и князь, но смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Впрочемъ, одинъ разъ въ годъ, и именно при ревизіи кассы 2-го января, наличный остатокъ былъ всегда повѣряемъ. Повѣрка эта заключалась въ томъ, что расходъ, придя въ совершенное равновѣсіе съ приходомъ, давалъ въ остаткѣ нуль, но и при этой единственной въ году повѣркѣ, сундукъ мой не открывался: присутствіе нуля въ книгѣ юридически доказывало, что въ сундукѣ пусто. Можетъ тамъ и были деньги, но вѣрить этому не слѣдовало.

Состояніе денежныхъ суммъ Библіотеки съ точностію было извѣстно барону въ каждый день, даже въ каждый часъ въ теченіе года. Онъ желалъ имѣть у себя подъ рукою такую штуку, въ которой можно было бы вести счетъ всѣмъ мелкимъ статьямъ прихода и расхода. Штуку эту я придумалъ въ видѣ большого, складнаго, наклееннаго на коленкоръ листа. На немъ размѣщены были всѣ источники доходовъ и всѣ главные предметы расходовъ. Не могло быть такого прихода, который поступалъ бы безъ вѣдома и формальнаго предписанія барона, не могло совершиться никакого расхода безъ его вѣдома и разрѣшенія. Давая предписанія и разрѣшенія, онъ собственноручно заносилъ всѣ мелкія суммы на свой складной листъ и, къ концу года, встрѣчался точно съ такимъ же нулемъ, какой находилъ и князь въ шнуровыхъ книгахъ.

Какъ подробно слѣдилъ баронъ за движеніемъ денежныхъ суммъ, точно также слѣдилъ онъ и за всѣмъ, что̀ дѣлалось въ отдѣленіяхъ Библіотеки, и не было утра, чтобы курьеръ его не привозилъ въ Библіотеку нѣсколькихъ записокъ отъ него къ библіотекарямъ, и не отвозилъ къ нему отвѣтовъ. У всѣхъ въ Библіотекѣ дѣла было по горло, и между тѣмъ не было ни малѣйшаго контроля въ часахъ прихода и ухода библіотекарей. Они работали въ Библіотекѣ, работали дома и совокупные труды ихъ очень ярко высказались въ общемъ развитіи Библіотеки. Баронъ задавалъ работу всѣмъ, а мнѣ въ особенности, потому что я былъ хранителемъ любимаго имъ собранія «Rossica», завѣдывалъ хозяйственною частью, и на мнѣ же лежала строительная часть. Какъ библіотекарь, я работалъ головой въ своихъ отдѣленіяхъ «Rossica», «Искусствъ» и «Технологіи», а какъ завѣдующій хозяйственною частью и какъ архитекторъ, я работалъ вездѣ, работалъ головою, руками и ногами. Всѣ залы Библіотеки, безъ исключенія, въ бароново время получили изъ моихъ рукъ обновы. По всему зданію съ чердаками, крышею и подвалами, я путешествовалъ неутомимо для исполненія своихъ обязонностей. Одинъ нѣмецъ произнесъ обо мнѣ такое опредѣленіе: «der ist überall und nirgend». Вспоминая свою тогдашнюю подвижность, къ которой теперь я чувствую себя не совсѣмъ уже способнымъ, я удивляюсь: какъ успѣвалъ я дѣлать все, что̀ дѣйствительно дѣлалъ. Я долженъ, однакожъ, сознаться, что исполняя распоряженія начальства, я не сдѣлалъ ни одного шага, не

написалъ ни одного слова напрасно, такъ послѣдовательны были всѣ распоряженія. Случалось, что въ ночную пору меня тревожила мысль объ истопникахъ. Я вскакивалъ съ постели, зажигалъ фонарь и обходилъ подвалы и оба этажа всего зданія. Теперь, когда Библіотека закована въ желѣзо, вся накрыта каменнымъ черепомъ и прошнурована артеріями, наполненными сжатою водой, готовой брызнуть вдругъ изъ двадцати отверстій, раскинутыхъ по всѣмъ заламъ, я уже не тревожусь какъ прежде, и преемники мои также не будутъ тревожиться [1]).

Баронъ нерѣдко разсказывалъ мнѣ, что по ночамъ онъ бывалъ также подъ вліяніемъ самыхъ страшныхъ опасеній за цѣлость полудеревяннаго зданія Библіотеки. Я увѣренъ, что еслибъ онъ жилъ не такъ далеко, то по ночамъ часто обходилъ бы довѣренное ему хранилище міровыхъ сокровищъ. Князь не менѣе насъ страшился за безопасность Библіотеки, но почему-то подвальное отопленіе тревожило его меньше, нежели употребленіе огня въ залѣ канцеляріи. Однажды онъ проѣзжалъ мимо Библіотеки въ то именно время, когда читатели только-что успѣли выйти, и утомленный дежурный расположился пить чай съ акомпаниментомъ казеннаго самовара. Присутствіе лампы князь нашелъ зломъ неизбѣжнымъ: вся читальная зала освѣщалась по вечерамъ лампами, но самоваръ ему показался опаснымъ и притомъ вовсе ненужнымъ. Онъ находилъ, и очень основательно, что его можно замѣнить чайникомъ съ кипяткомъ. Замѣчаніе свое князь передалъ мнѣ, но я не рѣшился самовольно посягнуть на кронѣчное, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень важное удобство дежурныхъ, и доложилъ барону. Онъ пожалъ плечами и, не рѣшаясь дать положительнаго позволенія, противорѣчащаго замѣчанію князя, выразилъ только сожалѣніе, что «князь зашелъ въ Библіотеку въ такое неудобное время», прибавивъ къ этому, что «самъ онъ постарается никогда не заходить въ тѣ часы, когда дежурный можетъ себѣ позволить пить чай». Я буквально передалъ князю слова барона. Князь расхохотался, и самоваръ продолжаетъ свою службу до сихъ поръ.

По должности библіотекаря, мнѣ выпала довольно хлопотливая доля. Я уже говорилъ, что баронъ задумалъ образовать въ Библіотекѣ особую библіотеку иностранныхъ книгъ о Россіи. Мысль объ этомъ собраніи родилась въ головѣ его чуть ли не тогда еще, когда онъ сидѣлъ на школьной скамьѣ въ лицеѣ. Его интересовала всякая книга о Россіи, и онъ, встрѣчая такія книги, непремѣнно списывалъ ихъ заглавія. Когда подобнаго рода заглавія по-

---

[1]) Послѣ громаднаго пожара, вблизи Библіотеки, Апраксина двора (1862), во всей Библіотекѣ сдѣланы желѣзныя ставни въ окнахъ и внутреннихъ дверяхъ, и устроенъ бакъ на 1200 ведеръ изъ Невскаго водопровода, отсюда проведены повсюду трубы съ пожарными кишками, и проч. В. С.

падались ему въ цитатахъ и объявленіяхъ книгопродавцевъ, онъ старательно ихъ записывалъ. Ставъ директоромъ Библіотеки, онъ досталъ изъ своихъ портфелей всѣ эти замѣтки, передалъ ихъ мнѣ и поручилъ составить изъ нихъ алфавитный каталогъ: замѣтки эти до сихъ поръ хранятся у меня. Сверхъ того, онъ поручилъ мнѣ выбрать изъ карточекъ «Историческаго отдѣленія» всѣ заглавія, относящіяся до Россіи, и передать ихъ библіотекарю, завѣдывавшему «Историческимъ отдѣленіемъ», чтобы тотъ отыскалъ и передалъ мнѣ книги. Для помѣщенія библіотеки «Rossica» выбрана 13-я зала, названная впослѣдствіи, по высочайшему повелѣнію, «залою барона Корфа». Въ шкафахъ этой залы стояли книги историческаго отдѣленія, въ которомъ, въ залахъ 12-й и 14-й, было на полкахъ очень много пустыхъ мѣстъ послѣ недавней выборки дублетовъ. Я началъ очищать одинъ шкафъ 13-й залы для помѣщенія «Rossica», которыхъ по выбраннымъ мною карточкамъ начали переносить ко мнѣ цѣлыми рядами.

Я попалъ въ положеніе совершенно необыкновенное. Мнѣ предстояло не продолжать начатое или передѣлывать уже сдѣланное, а создавать новую форму собранія книгъ, никогда не существовавшаго, строить въ чистомъ полѣ. Баронъ ввѣрилъ мнѣ образованіе новой библіотеки «Rossica», и далъ полную свободу заводить порядокъ такой, какой я признаю лучшимъ. Изъ «Историческаго отдѣленія» мнѣ присылали чисто-историческія сочиненія, путешествія, географію, книги трактущія о древностяхъ, нумизматикѣ и по другимъ вспомогательнымъ историческимъ предметамъ. Всѣ эти книги были уже съ готовыми, написанными на листкахъ заглавіями. Меня не забывали также библіотекари и другихъ отдѣленій: являлись книги содержанія богословскаго, юридическаго, исторіи литературы, естественныхъ наукъ, лингвистики и другихъ. Я по натурѣ своей очень подвиженъ и работаю скоро, да и командиръ у меня былъ такой, что ничѣмъ его нельзя было бы огорчить больше, какъ медленностью и копотливостью. Самъ онъ работалъ съ быстротою изумительной, и между тѣмъ никогда не торопился. Я приведу неважный примѣръ этой быстроты.

Въ 1854 году я подписывался на «Московскія Вѣдомости» и въ прибавленіяхъ къ №№ 117, 118 и 119 прочелъ любопытную статью П. И. Бартенева о воспитаніи Пушкина въ лицеѣ. Статья была полна самыхъ интересныхъ подробностей. Я какъ-то и спросилъ барона, читалъ ли онъ эту статью: Пушкинъ былъ его товарищемъ, и потому картина лицея, изображенная Бартеневымъ, должна была интересовать его. Баронъ не слыхалъ о статьѣ и попросилъ дать ему мой экземпляръ. Дня черезъ два, не больше, онъ возвратилъ мнѣ мои нумера газеты, и при нихъ $12^1/_2$ мелко исписанныхъ листовъ, на которыхъ, среди множества другихъ занятій, онъ успѣлъ набросать такія «замѣтки стараго лицеиста»,

которыя и объемомъ и интересомъ совсѣмъ затмили произведеніе П. И. Бартенева. Рукопись эту баронъ подарилъ мнѣ, и какъ потомъ многіе ухаживали за мной, чтобы прочесть замѣтки барона!

Очень естественно, что, работая быстро самъ, баронъ предполагалъ и въ другихъ такую же способность работать.

Подъ натискомъ легіоновъ книгъ, безпрерывно прибывавшихъ въ собраніе «Rossica», я рѣшилъ, въ видахъ сбереженія мѣста, ставить ихъ по величинамъ и тотчасъ же нумеровать карандашемъ, означая тѣ же нумера на карточкахъ, уже написанныхъ въ «Историческомъ отдѣленіи», а съ книгъ другихъ отдѣленій я уже самъ списывалъ карточки. Не считалъ я списанныхъ мною карточекъ, но думаю, что еслибъ я такъ работалъ во времена Д. П. Бутурлина, то недѣльная цифра моя выходила бы уродливая. Въ началѣ мнѣ никто не помогалъ и я заставлялъ жену свою писать. Она такъ привыкла къ библіотечной работѣ, что, когда мнѣ баронъ далъ сотрудника въ отдѣленіи «Rossica», она написала весь алфавитный каталогъ отдѣленія искусствъ. Кончивъ этотъ каталогъ, она принялась за разборъ огромной массы музыкальныхъ нотъ, привела ихъ въ порядокъ по родамъ сочиненій (оперы, симфоніи, сонаты, и проч.) и написала къ нимъ алфавитный каталогъ. Наконецъ, она начала списывать на отдѣльныхъ карточкахъ имена посѣтителей, внесенныя въ книгу, находящуюся въ хранилищѣ рукописей. Эту работу она не кончила, потому что сдѣлалась больна. Близкихъ знакомыхъ моихъ я тоже приглашалъ писать карточки, такъ, pour faire passer agréablement leur temps. Одинъ изъ такого рода сотрудниковъ моихъ управляетъ теперь какою-то губерніей на югѣ Россіи.

Перенумерованныя карточки я приводилъ въ азбучный порядокъ и, такимъ образомъ, всякую полученную мною книгу могъ отыскивать, не теряя ни секунды. Мнѣ казалось, что пріемъ установки и каталогизаціи, взятый мною въ попыхахъ, мнѣ придется измѣнять, и даже передѣлывать со временемъ, но практика показала, что лучшаго пріема и требовать нельзя. Убѣдившись въ этомъ, я сталъ писать нумера ужъ не карандашемъ, а чернилами, и такъ продолжаю до сихъ поръ. Никогда не встрѣчалось затрудненій при отыскиваніи книгъ, но за то сколько дружескихъ насмѣшекъ выслушалъ я отъ поклонниковъ систематическаго порядка на полкахъ, а г. Бругшъ aus Berlin совѣтуетъ даже послать меня на Кавказъ. Слишкомъ 15 лѣтъ прошло уже со времени основанія собранія «Rossica», оно разрослось до 30,000 названій книгъ, стоящихъ на полкахъ въ величайшемъ безпорядкѣ, относительно ихъ содержанія, и въ самомъ экономическомъ порядкѣ, относительно сбереженія мѣста, но за то въ усовершенствованныхъ каталогахъ моихъ господствуетъ порядокъ, можно сказать, блестящій. Когда требователь называетъ книгу положительно и точно, ее не ищутъ, а идутъ

взять съ мѣста, указаннаго алфавитнымъ каталогомъ; если же требованіе предъявляется неопредѣленное, тогда обращаются къ каталогу систематическому, который, отвѣчая на вопросъ, высказывается до послѣдняго слова: онъ не только отвѣчаетъ на вопросъ: естьли ли въ Библіотекѣ требуемая книга ?; но онъ показываетъ и все другое, относящееся къ требуемому предмету. Сколько важныхъ услугъ оказалъ каталогъ этотъ такимъ ученымъ, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, какимъ обильнымъ потокомъ хлынулъ онъ на вопросъ Акедеміи Наукъ объ изданіяхъ грамматики Ломоносова, а мелкихъ пособій и поясненій не перечтешь: онъ даетъ ихъ почти ежедневно. Баронъ не имѣлъ ни времени, ни надобности анализировать механизмъ каталогизаціи въ собраніи «Rossica», но ни одинъ ученый не требовалъ изъ этого собранія столько книгъ, какъ онъ. Требованія его были всегда обширны, всегда поспѣшны, и всегда удовлетворялись быстро; слѣдовательно, онъ имѣлъ полную возможность осязательно убѣдиться въ достоинствахъ моихъ каталоговъ, и въ одномъ изъ своихъ отчетовъ онъ сказалъ: «Собраніе иноязычныхъ сочиненій о Россіи приведено въ образцовый порядокъ».

Приращенія собранія «Rossica» сдѣлались, наконецъ, такъ велики, что я не въ состояніи былъ справляться съ каталогизаціей, не смотря на временную помощь, подаваемомую мнѣ моими домашними. Баронъ далъ мнѣ въ сотрудники Θед. Ив. Попова, человѣка молодого и очень способнаго, но, къ несчастію, въ немъ былъ уже зародышъ смертельной болѣзни, которая довела его до того, что вмѣсто помощи, онъ сдѣлался мнѣ помѣхой [1]). Баронъ видѣлъ усердіе и способности этого честнаго труженика и, послѣ его смерти, исходатайствовалъ вдовѣ его въ пенсію половину всего содержанія, какое Поповъ получалъ, не смотря на то, что службы его не насчитывалось и 10 лѣтъ. Ходатайствуя о такой необыкновенной милости, баронъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду, что молодая, бездѣтная вдова, получившая хорошее воспитаніе, не долго будетъ пользоваться пенсіей. Такъ дѣйствительно и случилось.

Послѣ Попова мнѣ данъ былъ сотрудникъ, извѣстный своими учеными трудами, но крайне бездарный. Важнѣйшій ученый его трудъ представленъ былъ имъ въ Академію Наукъ для полученія преміи. Одинъ академикъ сказалъ по этому случаю, что въ Академію представлена ошибка въ пяти томахъ. Во всѣхъ пяти томахъ не было, говорили, почти ни одной страницы безъ ошибокъ и неточностей. Работая въ собраніи «Rossica» этотъ ученый мужъ высказалъ всю свою неспособность къ библіотечнымъ работамъ, требующимъ вниманія и точности. Онъ былъ замѣненъ Е. Е. Беркгольцомъ, нынѣшнимъ главнымъ библіотекаремъ рижской город-

[1]) Θед. Ив. Поповъ, оріенталистъ, воспитывавшійся въ Петербургскомъ университетѣ, потерялъ разсудокъ и скоро потомъ умеръ. В. С.

ской библіотеки. По своимъ глубокимъ познаніямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ, это была личность замѣчательная. Подъ эгидою такого могучаго товарища, я могъ приняться за отдѣлку порядка во всемъ томъ, что̀ поступило въ собраніе «Rossica» съ самаго начала, предоставивъ ему заботу принимать и вносить въ каталогъ все вновь поступающее.

Приращенія поступали неравномѣрно. Иногда я могъ работать исподоволь, но иногда вдругъ являлось столько дѣла, что, не смотря на способность мою работать очень скоро, я едва успѣвалъ всплывать на верхъ нахлынувшей волны. Одна изъ такихъ волнъ была необыкновенно велика, и налетѣла на меня совсѣмъ не вовремя. Библіотекарь ботаническаго сада, г. Бергъ, подарилъ намъ библіотеку своего отца, жившаго въ остзейскихъ губерніяхъ и собравшаго больше 8,000 книгъ. По происхожденію своему изъ остзейскаго края, библіотека г. Берга заключала въ себѣ преимущественно книги нѣмецкія, съ огромнымъ количествомъ относившихся къ Россіи. Мнѣ принесли вдругъ нѣсколько сотенъ книгъ. Это случилось въ каникулярный іюль мѣсяцъ. Пора была жаркая, семья моя жила въ Парголовѣ, куда и я отлучался на короткое время. Сложилось такъ, что именно въ одну изъ моихъ отлучекъ, книги библіотеки г. Берга принесли въ мою залу и загромоздили ими всѣ выступы шкафовъ. Въ этотъ же день баронъ пріѣхалъ изъ Петергофа и, увидѣвъ этотъ страшный легіонъ новыхъ книгъ, опечалился и оставилъ мнѣ очень грустную записку, въ которой выражалъ сожалѣніе, что въ собраніи «Rossica» оказывается такъ много книгъ, не внесенныхъ еще въ каталогъ. Книги только-что были принесены и сожалѣть, по настоящему, было бы рано, но таковъ ужъ былъ обычай у барона. Для облегченія меня, баронъ предлагалъ пригласить ко мнѣ на помощь одного изъ молодыхъ чиновниковъ Библіотеки, г. Межова [1]), не принимая, конечно, въ соображеніе того, что этого юношу, въ іюлѣ мѣсяцѣ, не только пригласить работать, но только найти его, чтобы на него посмотрѣть, было почти невозможно. Я воротился изъ Парголова далеко за полночь, сдѣлавъ въ тотъ день прогулку въ Токсово съ большой компаніей. Записку барона я нашелъ дома у себя на столѣ и, когда прочелъ ее, у меня мелькнула мысль отличиться. Было уже свѣтло, но я не легъ спать, а отправился въ Библіотеку, провелъ испытующіе взоры по рядамъ непріятельской арміи, и тотчасъ же началъ аттаку тѣмъ, что взялъ къ себѣ домой кучу маленькихъ книженокъ и засѣлъ списывать заглавія. Покончивъ съ первымъ отрядомъ, я уснулъ немного. Съ утра я забрался въ Библіотеку, проработалъ тамъ весь день, откладывая мелкія книженки для ночной работы, вечеромъ унесъ ихъ домой, кончилъ ихъ въ теченіе ночи, а на другое утро, прописавъ до 2-го часа, запечаталъ толстый пакетъ съ карточками

[1]) Впослѣдствіи извѣстный библіографъ.

и съ запиской къ барону, въ которой выразился такъ: «Честь имѣю представить вашему превосходительству изготовленныя мною карточки. Въ настоящее время въ завѣдываемомъ мною отдѣленіи нѣтъ ни одной книги, невнесенной въ каталогъ». Совершивъ этотъ подвигъ, я, разумѣется, легъ спать. Посланный въ Петергофъ возвращался обыкновенно поздо вечеромъ. На этотъ разъ онъ привезъ мнѣ отъ барона записку, начинавшуюся такъ: «Дѣятельность ваша изумила меня...». Далѣе баронъ давалъ мнѣ порученіе отправиться немедленно въ Парголово, и всю записку наполнилъ такими выраженіями ласки и любезности, какія ему только свойственны. Я всегда спѣшилъ исполнять порученія начальства, и на этотъ разъ, хотя было уже поздно, я ослушаться не посмѣлъ, тѣмъ болѣе, что предписаніе было письменное, и приказалъ закладывать лошадей неукоснительно.

Прежде всего, какъ я уже говорилъ, сдѣланъ былъ въ собраніи «Rossica» каталогъ алфавитный, изъ большихъ, первоначально написанныхъ карточекъ, но когда явился г. Беркгольцъ, и численность собранія перешла уже за 10,000 заглавій, я переписалъ ихъ съ карточекъ большихъ на другія, въ 16-ю долю листа, положилъ эти карточки въ томъ порядкѣ, какъ книги стояли (и стоятъ) на полкахъ и списалъ въ тетради одни только главныя слова, употребленныя для алфавитнаго порядка, съ прибавленіемъ мѣста печати и года. Такимъ образомъ получился инвентарь собранія или мѣстный списокъ. Изъ карточекъ малаго формата я сдѣлалъ алфавитный каталогъ, а большія — предпринялъ разложить въ систематическомъ порядкѣ. Машинальнаго переписыванья было много, но работу, требующую большой точности, довѣрить было некому. Покамѣсть я занимался этимъ дѣломъ, численность заглавій возросла до 15,000. Систематическій каталогъ я дѣлалъ дома, раскладывая карточки по отдѣламъ, намѣченнымъ мною a priori. Никакимъ образцамъ я слѣдовать не могъ, да и образцевъ, для подобнаго каталога, искать было негдѣ, потому что нигдѣ никогда не существовало и, я думаю, не будетъ существовать такого богатаго собранія книгъ, имѣющаго предметомъ не науку, а страну. Первая переборка карточекъ была сдѣлана для того только, чтобы разбить большую массу на части мелкія, болѣе доступныя для отдѣльной обработки. Я разбилъ ее на 102 части и при этомъ списывалъ со множества карточекъ сокращенныя копіи, когда видѣлъ, что книга, по разнообразному содержанію своему, должа была находиться въ двухъ или трехъ частяхъ каталога. Дальнѣйшія подраздѣленія образованныхъ мною частей требовали труда усидчиваго и продолжительнаго. При множествѣ другихъ занятій я не могъ принять на себя подобнаго труда, да, сверхъ того, я не былъ увѣренъ, что запасъ моихъ знаній будетъ достаточенъ для того, чтобы дать систематическому каталогу должное

научное значеніе. Я видѣлъ, однимъ словомъ, что это не дѣло архитектора.

Библіотеку нашу очень часто, почти ежедневно, посѣщалъ (въ 1855 г.) одинъ гость, В. В. Стасовъ, получившій позволеніе работать въ отдѣленіяхъ. Господинъ этотъ обладаетъ неустрашимостью въ работѣ и притомъ одаренъ такимъ необыкновеннымъ свойствомъ, что чѣмъ работа труднѣе, тѣмъ охотнѣе онъ за нее берется. Когда я указалъ ему на потребность въ систематическомъ каталогѣ, на его значеніе для Библіотеки и на пользу, которую могъ бы принести этому учрежденію тотъ, кто посвятилъ бы себя его окончанію, тогда г. Стасовъ, восхищенный трудностью и размѣрами предстоявшей работы, горячо принялся за дѣло. Страстный охотникъ до книжнаго дѣла, онъ приходилъ въ Библіотеку проводить въ ней все свое свободное время, а тогда онъ находился въ такихъ обстоятельствахъ, что свободнаго времени у него было много. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ совершилъ гигантскую работу. Мои 102 подраздѣленія у него разрослись до 1000. Кромѣ подробности, удовлетворяющей всевозможнымъ требованіямъ, система, придуманная г. Стасовымъ, оказалась такою своеобразной, что ни въ какихъ печатныхъ библіологическихъ изданіяхъ подобной встрѣтить нельзя [1]).

При этой важной работѣ возникъ вопросъ, или, лучше сказать, споръ между барономъ и работавшими въ собраніи «Rossica»: Беркгольцемъ, Стасовымъ и мной. Баронъ имѣлъ полное право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и просто приказывать, но онъ предпочиталъ позволять своимъ подчиненнымъ думать, и даже высказывать то, что̀ они думали. Ну вотъ, баронъ, и мы думали различно. Онъ говорилъ, что романы и повѣсти на историческіе сюжеты должны быть раздѣлены въ историко-хронологическомъ порядкѣ и отнесены къ «исторіи», въ соотвѣтствующія царствованія, а мы доказывали, что романъ есть фантазія на историческую тему, не имѣющая научнаго значенія, и потому, для книгъ такого рода не должно быть иного мѣста, какъ обширный отдѣлъ «беллетристики». Впрочемъ, разницы большой не было бы, еслибъ историческіе романы составили особыя группы въ отдѣлахъ царствованій но нужно же было рѣшить: куда отнести группы историческихъ романовъ, и баронъ, признавая за нами способность думать, не хотѣлъ произнести своей воли, а нашелъ лучшимъ отдать предметъ нашего спора на судъ общаго собранія всѣхъ библіотекарей. Сказали всѣмъ заблаговременно о предметѣ общаго собранія, дали всѣмъ надуматься и, наконецъ, собрались. Въ Ларинской залѣ, у овальнаго стола, заняли мѣста болѣе 20 мужей совѣта и науки.

[1]) Эта система расположенія всего отдѣленія «Rossica», вмѣщающаго, можно сказать, большинство наукъ, отдана была на обсужденіе Академіи Наукъ, которая признала ее вполнѣ правильною, почему она и была введена въ этомъ отдѣленіи.

Многіе сосредоточились и построили такія глубокомысленныя физіономіи, что, казалось, они готовились рѣшить вопросъ, имѣющій міровое значеніе.

Занявъ свое мѣсто, баронъ изложилъ предметъ нашего спора со всѣми подробностями и, во избѣжаніе преній, всегда поглощающихъ время, которымъ всѣ мы дорожили, онъ вотъ что сдѣлалъ: написалъ на листѣ бумаги вопросъ: Куда отнести историческіе романы? согнулъ страницу пополамъ и на одной половинѣ написалъ: къ исторіи, а на другой: къ беллетристикѣ. Листъ этотъ онъ послалъ вокругъ стола, пригласивъ всѣхъ подписаться на той половинѣ, которая кому покажется справедливѣе. Когда листъ, обойдя столъ, воротился, и на половинѣ исторіи оказалась одна только подпись, тогда баронъ сдѣлалъ на немъ внизу замѣтку, въ которой сказалъ, что споръ этотъ происходилъ между имъ и сотрудниками библіотеки «Rossica», и что онъ, баронъ, остался побѣжденнымъ. Листъ этотъ онъ передалъ для храненія при дѣлахъ библіотеки. Цѣлъ ли этотъ листъ—я не знаю.

Механизмъ каталоговъ, принятый мною въ собраніи «Rossica», оказался такимъ удобнымъ для всѣхъ, кто имъ пользовался, и самъ баронъ, требовавшій книгъ больше всѣхъ, такъ часто убѣждался въ достоинствахъ каталоговъ, что при посѣщеніяхъ Библіотеки лицами сколько-нибудь замѣчательными, каталоги мои были показываемы какъ диковинка. Показыванія эти происходили обыкновенно въ присутствіи барона, который очень любилъ принимать такихъ гостей, которые способны были оцѣнивать всѣ улучшенія, введенныя въ Библіотекѣ. Когда баронъ приводилъ въ 13-ю залу гостей, то экзаменъ каталоговъ совершался въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде спрашивали какую-нибудь книгу съ заглавіемъ извѣстнымъ, и она тотчасъ являлась, потомъ спрашивали какое-нибудь изъ мельчайшихъ подраздѣленій систематическаго каталога и тамъ выбирали заглавіе: книга опять являлась чрезъ нѣсколько секундъ. Наконецъ, доставали откуда-нибудь изъ шкафа картонъ съ мелкими брошюрами и, отдѣливъ изъ нихъ одну такую, на которой не было никакой наружной надписи, спрашивали ея заглавіе. Замѣтивъ на оберткѣ нумеръ, я справлялся въ инвентарномъ каталогѣ и, по главному слову, тамъ записанному, отыскивалъ въ алфавитномъ каталогѣ заглавіе. Вся эта механика, очень простая сама по себѣ, изумляла посѣтителей какъ штуки фокусника, и я отъ многихъ слышалъ сожалѣнія, что такой превосходный способъ каталогизаціи остается неизвѣстнымъ публикѣ. Сожалѣнія эти, повторяемыя очень часто, заставили меня публиковать мою выдумку. Въ № 11 «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1858 годъ, я помѣстилъ подробное изложеніе употребляемаго мною механизма каталогизаціи. Изъ редакціи мнѣ дали 200 отдѣльныхъ оттисковъ, которыми съ тѣхъ поръ я снабжаю библіотекарей разныхъ русскихъ

библіотекъ, какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ. Многіе изъ нихъ относятся ко мнѣ какъ къ учителю своему, и не смѣшно ли покажется всѣмъ Бругшамъ, что архитекторъ по ремеслу служитъ наставникомъ начинающимъ библіотекарямъ? Между тѣмъ это очень просто. Библіотекаремъ я никогда себя не считалъ, а какъ хранитель, я гожусь на то, чтобы научить начинающаго библіотекаря, какъ приняться за дѣло; гожусь, наконецъ, на то, чтобъ описать и хранить въ отличномъ порядкѣ всякое собраніе книгъ. Ученые спрашиваютъ матеріаловъ для своихъ работъ, и я могу давать ихъ безъ задержки. Вотъ вся моя заслуга.

Въ томъ же 1858 году публикованъ былъ въ «Moniteur universel» декретъ императора французовъ о преобразованіи Парижской библіотеки. Это подало мнѣ мысль сообщить туда мою брошюру, но преобразованія Парижской библіотеки состояли въ проектѣ перестройки зданія, которое и теперь еще не кончено. Мое предложеніе, какъ ненужное въ то время, было положено въ сторону, но я напечаталъ его отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques». Въ нынѣшнемъ (1867) году я былъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, заходилъ, конечно, и въ Bibliothèque Impériale, и засталъ тамошнихъ библіотекарей въ совѣщаніяхъ по предмету переноски книгъ въ оконченную часть зданія. Брошюра моя была на сценѣ, но будетъ ли принята моя мысль, то мы узнаемъ впослѣдствіи.

Въ 1851 году баронъ предпринялъ произвести нѣкоторыя строительныя работы въ старой части зданія, желая сдѣлать ее такою же опрятною, какъ и новая часть, а, главное, уничтожить въ ней печи, стоявшія въ залахъ и устроить отопленіе изъ подваловъ. Въ то лѣто баронъ уѣзжалъ за границу и желалъ увезти съ собою печатный каталогъ всѣмъ наличнымъ книгамъ собранія «Rossica», съ тѣмъ, чтобы, покупая тамъ недостающія у насъ книги, не накупать дублетовъ. Я былъ разорванъ на части: каталогизація книгъ самая поспѣшная, для того, чтобы всѣ карточки наличныхъ книгъ можно было отдать въ типографію; наблюденіе за печатаніемъ каталога; корректуры; переноска всѣхъ книгъ изъ тѣхъ залъ, гдѣ предпринимались работы; распоряженія по работамъ уже начавшимся; приготовленіе для нихъ рисунковъ,—все это дѣлалось въ одно время. Въ подобныхъ хлопотливыхъ обстоятельствахъ рѣдко бываетъ безъ эпизодовъ, то грустныхъ, то забавныхъ. Я разскажу объ одномъ, который былъ ни грустный, ни забавный, но я его запомнилъ.

Предпринимая довольно большія работы въ четырехъ залахъ бель-этажа, я долженъ былъ вынести изъ нихъ всѣ книги. На всемъ просторѣ Ларинской залы я построилъ сплошной рядъ временныхъ полокъ и туда перенесъ книги. Пріѣзжаетъ однажды въ Библіотеку баронъ и уводитъ меня въ залу рукописей, гдѣ, между прочимъ, предполагалось выломать часть стѣны и сдѣлать арку, существую-

щую и теперь. Когда мы остались вдвоемъ, баронъ спросилъ меня: «увѣренъ ли я, что книги, перенесенныя въ Ларинскую залу, не проломятъ свода?» — «Увѣренъ, что проломятъ, — отвѣтилъ я, — но въ такомъ только случаѣ, если найдется такой силачъ, который возьметъ всѣ перенесенныя книги, приподниметъ ихъ, вмѣстѣ съ временными полками, на значительную высоту и вдругъ оттуда броситъ на полъ. Это, очевидно, невозможно, и не такъ интересно, какъ вотъ эта, стоящая передъ нами стѣна, которую вы приказываете выломать, чтобъ сдѣлать широкую арку. Вамъ извѣстно, что̀ стоитъ вверху на этой стѣнѣ?» — «Нѣтъ». — «Такая же каменная стѣна». — «Какъ же вы рѣшаетесь выламывать основаніе изъ-подъ верхней стѣны?» — «Употребляя тѣ мѣры, какія предписываетъ строительное искусство». Баронъ разсмѣялся, махнулъ обѣими руками и сказалъ: — «Дѣлайте какъ знаете, а я уѣду отъ васъ, чтобъ не видѣть этихъ ужасовъ». Видно было, что опасенія не слишкомъ его тревожили.

На другой или на третій день послѣ отъѣзда барона, меня разбудили часа въ три ночи и сказали, что на дворѣ Библіотеки пожаръ. Я вышелъ, не торопясь какъ на пожаръ, и стараясь сохранить спокойствіе духа. На заднемъ дворѣ, у самаго зданія Библіотеки, загорѣлась стѣна театральнаго сарая, въ которомъ хранились декораціи. Старики-солдаты ломали деревянный заборъ, чтобъ открыть свободный доступъ на сосѣдній дворъ, принадлежащій театру и суетились такъ, что мѣшали другъ другу. Крикъ и суматоха были, какъ слѣдуетъ быть на пожарѣ. Я прежде всего велѣлъ не кричать безъ толку и не метаться, а дѣлать дѣло порядкомъ. Заборъ разобрали вдругъ. Бабъ и слабыхъ стариковъ я заставилъ таскать воду изъ колодца, находившагося на другомъ концѣ двора, а кто посильнѣе, тѣхъ поставилъ качать пожарныя трубы, принесенныя изъ Библіотеки. Трубы, къ удивленію моему, были въ исправности: обыкновенно случается, что именно въ минуту бѣдствія онѣ какъ нарочно оказываются негодными. Явился квартальный, подоспѣли театральные служители. Квартальный завладѣлъ брандспойнтомъ и дѣйствовалъ такъ усердно, что на наружной сторонѣ сарая огонь былъ остановленъ. Въ сарай проникнуть боялись, чтобъ не дать свободнаго теченія воздуху сквозь ворота; но прискакалъ оберъ-полиціймейстеръ Галаховъ съ пожарною командой, раскрыли сарай и нашли, что огонь туда не проникъ. Пожарные, однакожъ, поломали немножко сарай: безъ этого ужъ нельзя.

Когда возвратился изъ путешествія баронъ и, при немъ уже, работы мои были кончены. Онъ распорядился отпраздновать громко возобновленіе старой части зданія. Въ овальной залѣ бель-этажа совершено было придворнымъ духовенствомъ, и съ придворными пѣвчими, торжественное богослуженіе, при которомъ присутствовали важнѣйшіе государственные сановники. Больше двухсотъ

гостей съѣхалось на это невиданное въ Библіотекѣ торжество. Послѣ богослуженія ихъ угостили въ 7-й залѣ великолѣпнымъ завтракомъ, сервированнымъ отъ двора. Не торжественное богослуженіе и не роскошный завтракъ важны были для Библіотеки, а то, что ее увидѣли многія такія лица, которыя, безъ этого особеннаго случая, никогда бы можетъ быть не посѣтили ее, и которыя, побывавъ въ ней и увидѣвъ блестящіе зачатки того, что̀ баронъ предпринималъ дѣлать, не мало способствовали ему и въ сферахъ правительственныхъ, и въ обществѣ, гдѣ Библіотека наша была долго предметомъ разговоровъ. Въ газетахъ зачастую появлялись статьи, поддерживавшія въ публикѣ интересъ къ Библіотекѣ. Но для развитія ея нужны были и матеріальныя средства. Продажею дублетовъ баронъ извдекалъ ихъ изъ самой Библіотеки, а личными сношеніями съ сильными и богатыми міра сего онъ привлекалъ ихъ извнѣ. Повторяю, Библіотека въ то время интересовала всѣ слои петербургскаго общества, и, само собою разумѣется, что всѣ слои интересовали и барона. Любопытно было видѣть, ка́къ баронъ дѣйствовалъ на публику посредствомъ читальной залы, этого, постоянно распростертаго для пріема ея, объятія. Кромѣ разговоровъ и совѣщаній съ учеными и литераторами, приходившими къ намъ работать, онъ искалъ ободрить и заохотить простолюдиновъ, съ которыми онъ также часто пускался въ разговоры. Отъ всѣхъ онъ старался узнать: нельзя ли сдѣлать чего-нибудь еще, чѣмъ бы можно было угодить барынѣ-публикѣ?

Трудно опредѣлить словами, что̀ такое чувствовалъ баронъ къ Библіотекѣ, но только по поступкамъ его можно положительно сказать, что ни въ дѣлахъ, ни въ помышленіяхъ своихъ онъ не разставался съ нею ни на минуту. Очень часто случалось, что онъ пріѣзжалъ въ Библіотеку въ зимніе вечера, и ходилъ по заламъ при свѣтѣ лампъ, которыя несли передъ нимъ сторожа. Въ такихъ вечернихъ прогулкахъ его часто принимали участіе друзья и знакомые его.

Однажды зимою министръ императорскаго двора приказалъ сдѣлать, въ присутствіи своемъ, внезапную ревизію кассы Библіотеки. Такія ревизіи производились въ ту эпоху въ разныхъ учрежденіяхъ, по случаю крупнаго воровства, обнаруженнаго въ кассѣ Комитета инвалидовъ. Во время ревизіи въ Библіотекѣ, баронъ терпѣливо ожидалъ конца этой операціи, не интересной для него и очень интересной для князя. На счетъ кассы баронъ не безпокоился, а ему хотѣлось показать министру Библіотеку, но графъ Адлербергъ пріѣхалъ поздно и, когда ревизія кончилась, начало уже смеркаться. Упустить случай барону не хотѣлось: зажгли лампы и пошли. Графъ не видалъ еще залы, устроенной для храненія инкунабулъ («средневѣковая зала»). Строгій и мрачный стиль довольно удачно выразился во всѣхъ подробностяхъ

убранства и меблировки этой залы. Днемъ она смотритъ какъ-будто насупясь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, улыбаясь колоритными пятнами живописи на сводѣ и на цвѣтныхъ стеклахъ оконъ, а вечеромъ, при огнѣ, она еще поэтичнѣе и даже фантастичнѣе. Вечерній эфектъ поразилъ министра, и первые слова его были: «Ого, какая роскошь! Это, я думаю, обошлось вамъ не дешево». Не знаю какъ для барона, но для меня эти слова были совершенно неожиданны. Вмѣсто отвѣта, баронъ сдѣлалъ министру вопросъ: «А какъ вы полагаете, графъ, сколько мы истратили на эту залу?» Подумавъ немного и оглянувъ еще разъ залу, министръ сказалъ: «Тысячъ двадцать, я думаю». Баронъ поворотился ко мнѣ съ вопросомъ: «Сколько мы издержали?» Я отвѣтилъ безъ запинки: «2200 рублей на эту залу и на небольшую комнату рядомъ, отдѣланныя вмѣстѣ».—«Vous badinez!»—сказалъ министръ.—«Наши денежные отчеты представляются вашему сіятельству. Прикажите канцеляріи вашей навести справку»,—заключилъ я.

Припоминая вечернее освѣщеніе въ залахъ Библіотеки, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о знаменитыхъ аукціонныхъ продажахъ замѣчательныхъ дублетовъ. Для удобствъ публики, продажа производилась вечеромъ, и по этой причинѣ освѣщались такія залы, въ которыхъ обыкновенно свѣту по вечерамъ не бываетъ. Любопытно было смотрѣть на состязаніе знатоковъ и ярыхъ любителей рѣдкихъ книгъ. Сколько денегъ доставили Библіотекѣ волновавшія ихъ страсти! Являлись иногда на аукціонъ не сами любители, а ихъ повѣренные, съ порученіемъ купить вотъ такую-то книгу, во что бы то ни стало. Случилось однажды, что два такихъ повѣренныхъ, оба отъ богатыхъ принципаловъ, встрѣтились на одной книгѣ, очень заманчивой по заглавію, и дѣйствительно рѣдкой, но въ Библіотекѣ, по особенному обстоятельству, было нѣсколько экземпляровъ этой книги, и мы, до аукціона, продали два или три экземпляра по 10 рублей—цѣна очень хорошая. Объявленное на аукціонѣ заглавіе взманило вдругъ нѣсколькихъ соискателей, и цѣна начала расти, но скоро умѣренные отступились, и торгъ продолжался между двумя полномочными посланниками. Цѣна давно переросла всякій человѣческій смыслъ, а полномочные не унимались, имѣя въ виду купить во что бы то ни стало. Какъ бы то ни было, но граница благоразумія существуетъ всюду, и одинъ изъ делегатовъ, дойдя до нея, остановился—книга пошла за 101 рубль.

Въ одинъ изъ такихъ аукціоновъ, въ послѣдній изъ назначенныхъ дней, оставалось много еще нераспроданныхъ нумеровъ, а было уже поздно. Я замѣтилъ, что торговавшіеся начинали уходить и возъимѣлъ счастливую мысль: обѣщать имъ чаю. Баронъ одобрилъ мою мысль, слухъ пронесся по рядамъ уставшихъ конкурентовъ, и торгъ оживился въ ожиданіи чая, который не замедлилъ явиться. Такимъ образомъ всѣ нумера были проданы.

Аукціонная продажа дублетовъ интересовала вначалѣ очень многихъ богачей. Они пріѣзжали въ Библіотеку провести пріятно вечеръ, но потомъ интересъ сталъ ослабѣвать, такъ, что на послѣднемъ аукціонѣ на многія книги не было не только конкурентовъ, но даже и простыхъ покупщиковъ. Однимъ словомъ, источникъ былъ исчерпанъ.

Улучшеніе и умноженіе Библіотеки сдѣлалось эпидеміей у всѣхъ, кто въ то время служилъ въ этомъ учрежденіи. Я, конечно, былъ также зараженъ, и иногда у меня являлись кое-какія мыслишки. Въ 1852 году, напримѣръ, у меня родилась мысль построить на дворѣ галлерею, которая закрыла бы собою скучную, глухую стѣну Балабинскаго дома и соединила оконечность стараго зданія съ парадною лѣстницей зданія новаго. Я какъ-то разсказалъ объ этомъ барону. Фантазія моя разсмѣшила его, но онъ потребовалъ рисунковъ. Я сдѣлалъ рисунки и общее соображеніе издержекъ, выдвинувшее цифру въ 125,000 руб. Въ то время отъ барона до государя путь былъ очень короткій, чрезъ министра императорскаго двора. Государь видѣлъ мои рисунки, похвалилъ мысль, но велѣлъ подождать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Посѣтивъ въ томъ же году Библіотеку, государь вспомнилъ о моемъ проектѣ, посмотрѣлъ на Балабинскую стѣну и повторилъ, что нужно подождать. Между тѣмъ публики въ читальной залѣ все прибывало и прибывало. Спустя лѣтъ 5 или 6, мы должны уже были ставить въ читальной залѣ столы на самомъ проходѣ, чтобы гдѣ-нибудь пріютить гостей. Наконецъ, нашествіе читателей сдѣлалось такъ велико, что въ отведенной имъ залѣ они сидѣли чуть не одинъ на другомъ, какъ сельди въ бочкѣ. Прибавили столовъ въ сосѣдней пріемной залѣ. Видя, что наши ресурсы истощаются, что насъ, какъ говорится, припираютъ къ стѣнѣ, баронъ сказалъ мнѣ однажды: «Давайте мнѣ теперь проектъ уже не галлереи, а большой залы, гдѣ бы можно было посадить вдругъ 200—250 читателей». Я не заставилъ долго ждать и переписка началась. Послѣдніе торги на винные откупа прибавили къ государственнымъ доходамъ длинный рядъ милліоновъ. Баронъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и усилилъ свои домогательства. Дѣло приняло благопріятный оборотъ, и намъ ассигновали 150,000 руб.

Мѣстность опредѣлила размѣры проекта, который удался, и оставалось бы только исполнить, но мнѣ думалось, что французы, нѣмцы и англичане больше моего ломали голову надъ публичными библіотеками, и вѣрно изобрѣли множество хорошихъ вещей, оставшихся неопубликованными. Хорошо бы посмотрѣть на иностранныя улучшенія, думалъ я, и сказалъ объ этомъ барону. Онъ нашелъ, что я думаю дѣльно, и исходатайствовалъ мнѣ командировку во всю Европу. Слишкомъ два мѣсяца странствовалъ я по столицамъ разныхъ государствъ и видѣлъ очень много. О томъ, какъ я путеше-

ствовалъ и что̀ видѣлъ, я уже разсказалъ печатно («Журн. минист. народн. просв», №№ 10 и 11, 1859 г.) и здѣсь повторять не стану. Не только строеніе и меблировка читальной залы, но и книжная ея обстановка много выиграли оттого, что я былъ за границей.

При пособіи Строительной Конторы министерства императовскаго двора я велъ строеніе свое благополучно: покрылъ его, сдѣлалъ своды довольно дерзко, но удачно [1]), построилъ печи, вставилъ окна и приступилъ къ внутренней отдѣлкѣ. Въ то время, когда наружные лѣса не были еще отняты, многіе находили, что зала, размѣрами, очень представительна, только, къ сожалѣнію, не довольно свѣтла; но къ концу 1861 г. лѣса отняли, свѣтъ, хлынулъ въ залу сквозь пять громадныхъ оконъ, и всѣ увидѣли, что она свѣтлѣе всѣхъ прочихъ залъ Библіотеки.

Въ самый разгаръ работъ по внутренней отдѣлкѣ, пронесся слухъ, что барону даютъ высшее назначеніе и онъ оставляетъ Библіотеку [2]). Все встрепенулось. Потеря хорошаго настоящаго, въ виду неизвѣстнаго будущаго, всегда производитъ тревогу. Не только библіотекари и прочій людъ, работавшій въ Библіотекѣ подъ управленіемъ барона, но и всѣ постоянные посѣтители читальной залы собирались и толковали о томъ, нельзя ли какъ-нибудь удержать его. Когда онъ пріѣхалъ въ Библіотеку въ первый разъ послѣ того, какъ слухъ получилъ достовѣрность, мы, библіотечные, приняли его, какъ всегда, хотя физіономіи наши были совсѣмъ непраздничныя. Онъ обошелъ всѣ отдѣленія, поговорилъ со всѣми, какъ всегда бывало, и когда въ обычный часъ сталъ уходить, мы всѣ собрались внизу, не для торжественнаго прощанья, а такъ: насъ всѣхъ тянуло проводить барона. Изъ читальной залы двинулась густая толпа, слившаяся изъ всего, что̀ тамъ было посторонняго, и приступила къ барону съ просьбой: не оставлять Библіотеку. Бѣдные! Они просили невозможнаго, и думали, что вотъ, какъ они попросятъ, то баронъ скажетъ имъ: «Ахъ, очень радъ, очень радъ», поставитъ на мѣсто шляпу и начнетъ опять быть директоромъ. Всѣ знали качества лица, назначеннаго въ преемники барону, всѣ были убѣждены, что не Д. П. Бутурлинъ станетъ на его мѣсто, но вѣдь не даромъ говорится пословица: «отъ добра добра не ищутъ». Какъ ни хорошо будущее, но съ хорошимъ настоящимъ разставаться, нельзя сказать, чтобъ было пріятно.

Я пишу воспоминанія, и мнѣ слѣдовало бы теперь сказать, что̀ сталось со мною, но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же я оста-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ большихъ залахъ Библіотеки, своды сдѣланы такими плоскими, что большинство лучшихъ нашихъ техниковъ архитекторовъ, оффиціально свидѣтельствовавшихъ новую постройку, особенно профессоръ А. П. Брюлловъ, были поражены «дерзостью» этихъ сводовъ. В. С.

[2]) Баронъ М. А. Корфъ былъ въ это время назначенъ главноуправляющимъ II-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. В. С.

навливаю мой разсказъ на томъ, какъ баронъ покинулъ Библіотеку, а для заключенія скажу, что сталось со мною. Въ періодъ службы моей при баронѣ на меня возложили чины и ордена, которыхъ у меня прежде не было. Въ началѣ моей службы, когда я былъ еще, по мнѣнію канцелярскихъ чиновниковъ, «франтомъ», мнѣ случилось высказать мой взглядъ на чины и ордена. Да, ордена мои всѣ могутъ видѣть, но не всѣ могутъ знать, за какіе подвиги я ихъ получилъ. Лучшій знакъ моего отличія, знакъ, который выставленъ на показъ, не только современникамъ, но и потомству, это—построенная мною читальная зала. О ней говорили, теперь иногда говорятъ, и современемъ непремѣнно будутъ говорить люди, незнающіе меня и не знаемые мною. Все это не мнѣ, а имени моему: ихъ судъ надъ моимъ произведеніемъ, произнесенный за-глаза, не потревожитъ моего вниманія; собственно же для меня остались завѣтные памятники прошлаго: рядъ Отчетовъ Императорской Публичной Библіотеки за время управленія барона. Начиная съ перваго Отчета, баронъ имѣлъ обычай присылать лично мнѣ одинъ экземпляръ съ собственноручною его надписью. На первомъ Отчетѣ была коротенькая надпись: «Одному изъ усерднѣйшихъ и полезнѣйшихъ моихъ сотрудниковъ, отъ автора. 28 янв. 1851». На слѣдующихъ Отчетахъ текстъ надписей дѣлался все пространнѣе и пространнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ теплѣе и задушевнѣе. Наконецъ, въ эпоху оставленія Библіотеки баронъ написалъ ко мнѣ такое письмо, какихъ никто не пишетъ изъ простой вѣжливости. Мнѣ очень хотѣлось бы привести здѣсь его текстъ, но не достаетъ отваги.

В. Собольщиковъ.